Никитский Клуб

Цикл публичных дискуссий

«Россия в глобальном контексте»

Выпуск 56

«Государство и революции»

Москва 2012

Круглый стол
«Государство и революции»

27 февраля 2012 г.

Участники обсуждения:

Бондурянский Александр Зиновьевич,
профессор, проректор по учебно-методическому объединению Московской государственной консерватории

Бортко Владимир Владимирович,
заместитель председателя Комитета ГД РФ по культуре

Булдаков Владимир Прохорович,
старший научный сотрудник Центра изучения новейшей истории и российской политологии Института российской истории РАН

Голубев Александр Владимирович,
руководитель Центра изучения отечественной культуры Института российской истории РАН

Горелик Александр Семёнович,
директор Информационного центра ООН

Зимин Дмитрий Борисович,
президент Фонда некоммерческих программ «Династия», почётный президент ОАО «ВымпелКом» (БиЛайн)

Капица Сергей Петрович,
президент Никитского клуба

Кудюкин Павел Михайлович,
доцент кафедры теории и практики государственного управления НИУ ВШЭ

Петров Юрий Александрович,
директор Института российской истории РАН

Привалов Александр Николаевич,
научный редактор журнала «Эксперт»

Разлогов Кирилл Эмильевич,
директор Российского института культурологии

Тамбовцев Виталий Леонидович,
профессор экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Шумейко Игорь Николаевич,
историк, писатель

Заседание вёл **Александр Привалов,** научный редактор журнала «Эксперт».

Приложение

В. П. Булдаков
«Революция как проблема российской истории».

Капица С. П.

С. П. Капица

Уважаемые коллеги! Тема, которую мы собираемся сегодня обсудить, при всём академическом интересе, к сожалению, перманентно актуальна в нашей стране.

У вас на руках статья «Революция как проблема российской истории» Владимира Прохоровича Булдакова, одного из наших содокладчиков сегодня. Владимир Прохорович занимается отечественной историей, и здесь невольно вспоминается высказывание о том, что история — наука прикладная: её «прикладывают» ко времени написания. Как нам отнестись к этому утверждению — это, наверное, и будет результатом сегодняшнего нашего заседания.

Я довольно внимательно смотрю на то, что написано в статье, и обратил внимание, что это написано языком больше физика, чем историка. По-моему, такое проникновение естественнонаучного словаря в общественные науки — отрадный симптом. Во всяком случае, это некий путь к преодолению дихотомии современной науки, которая делится

на гуманитарную и точную науку, и, с моей точки зрения, здесь необходимо искать объединяющие начала.

В своей статье Владимир Прохорович оперирует понятиями хаоса, понятиями случайных явлений. Так получилось, что в последние годы я занимался историей в большом масштабе — в масштабе мировой истории, мирового процесса развития. Там процесс детерминирован и может быть описан простыми дифференциальными уравнениями. В рамках этой модели не описываются случайные явления, и это симптоматично. С другой стороны, все наиболее интересные проблемы, вынесенные в повестку дня нашего обсуждения, связаны именно с понятием хаоса, с понятием случайности процессов, происходящих в истории. В какой мере мы можем распространять понятие случайности на то, что определяет нашу жизнь в том или ином масштабе? Здесь, наверное, полезно вспомнить Броделя[1]. На меня, во всяком случае, его описания оказали большое влияние. Он, может быть, чётче других понял, что существуют разные временные масштабы истории: временной масштаб, грубо говоря, поколения, отдельных событий в масштабе конкретного исторического процесса и такая метаистория, история человечества в целом. Вот история человечества в целом, во всяком случае, детерминистична и определяется, повторяю, такой простой однозначной, нелинейной математической моделью. Эта модель с удивительной точностью описывает глобальные процессы развития человечества, не впадая в частности, пользуясь таким феноменологическим подходом, как стандартный метод познания сложных физических явлений.

А теперь я хотел бы предоставить слово нашему первому докладчику.

А. Н. Привалов

Если позволите, сначала мне. А я передам слово коллеге Горелику для не вполне относящегося к теме нашего сегодняшнего заседания, но важного сообщения.

Прошу Вас, Александр Семёнович!

А. С. Горелик

У меня приятная миссия сообщить всем, кто ещё об этом не знает, что на прошлой неделе в Президиуме Российской Академии наук состоялось событие сколь значимое, столь и со знаком плюс для всех многочисленных поклонников талантов Сергея Петровича. Ему была вручена Золотая

---

[1] Фернан Броде́ль (фр. Fernand Braudel; 1902–1985) — известный французский историк; предложил учитывать экономические и географические факторы при анализе исторического процесса.

Горелик А. С.

медаль РАН и диплом за выдающиеся достижения в области пропаганды научных знаний. Медаль учредили только в ноябре прошлого года. Медаль, насколько я понимаю, будет вручаться нечасто, едва ли не раз в пять лет. Ну а то, что награда нашла своего героя, я думаю, нам всем ясно. Сергей Петрович действительно делает очень много на ниве не просто пропаганды научных знаний, а установления работоспособной тесной связи между наукой и обществом. Для нас всех это замечательная новость. Сейчас давайте этому поаплодируем, а потом ещё и выпьем за здоровье Сергея Петровича! (**Аплодисменты**).

С. П. Капица

Спасибо за поздравление.

Д. Б. Зимин

Академия наук — это, конечно, здорово. Но я ещё должен сказать, что в конце прошлого года Фонд «Династия», у которого есть награда

«Просветитель» за лучшие научно-популярные книги, учредил ещё, по сути, разовую номинацию под названием «Просветитель милостью Божией» или «Просветитель от Бога». Вот была такая разовая номинация, и награду получил, естественно, Сергей Петрович Капица,— ещё до того как прозрела Академия наук. Так что я тоже присоединяюсь к этим поздравлениям. (**Аплодисменты**).

А. Н. Привалов

Спасибо, Александр Семёнович. Спасибо, Дмитрий Борисович.

Ну а теперь — к не столь весёлой теме, которая сегодня будет нас занимать в течение основного заседания. Я только что говорил коллегам, что недавно поймал себя на мысли, что знаю историю русской революции хуже, чем историю французской. Не потому что я хорошо знаю историю французской революции,— знаю, но средне статистически. Но якобинцы и жирондисты мне существенно понятнее, чем левые и правые эсеры.

Это происходит потому, что про русскую революцию моему поколению, предшествовавшим и последовавшим поколениям столько врали,— причём тем, кому повезло жить более пятнадцати, двадцати лет, врали разнообразно, врали так, потом врали этак,— что установили жёсткое недоверие ко всей этой эпохе. Это очень скверно. Мы не передумали, не пережили уроков, которые наш российский, русский исторический опыт нам преподавал весьма высокой ценой. Эти уроки в значительной степени пропали втуне. И сохрани Господь нам переэкзаменовываться!

Сейчас ведь тема революции очень модна. Про неё очень много говорят. Разумеется, это перегретая истерика момента. Если бы нам пришлось собраться с разговорами на ту же тему неделями двумя позднее, я думаю, мы бы это сделали в гораздо более спокойной обстановке[2]. Но всё равно это важно. Вот этот самый вдруг проснувшийся интерес надо удовлетворять, надо попытаться понять, что с нами происходило, что нам грозит, что нам не грозит, от чего мы застрахованы какими-то в спинном мозге скопившимися наслоениями.

Хорошо, что мы начнём осознавать этот процесс хотя бы сейчас, и надеюсь, что не завершим его, пока не добьёмся какого-то результата, пока не установится какой-то национальный взгляд на события, как у добрых французов. Они ведь тоже свою тогдашнюю гражданскую рознь отнюдь не довоевали. Разговоры весьма полярного толка и о тех событиях, и обо всех последующих — продолжаются. Но у них есть некий национальный

[2] Заседание проходило незадолго до президентских выборов.

Привалов А. Н.

взгляд на произошедшее, который помогает им существовать. Очень хотелось бы иметь нечто подобное и нам. Хотя понимаю, что в два-три дня или года сделать это не получится.

С. П. Капица

Здесь вспоминается замечание Алексея Константиновича Толстого: «Ходить бывает склизко // По камешкам иным, // Итак, о том, что близко, // Мы лучше умолчим» [3].

А. Н. Привалов

Да если есть что сказать — чего же умалчивать-то! В отличие от графа Алексея Константиновича, мы живём, я бы сказал, немыслимо в непристойно свободной стране: совершенно нет ни малейшей нужды ничего

[3] Толстой А. К. (1817–1875). Из сатирической поэмы «История государства Российского от Гостомысла до Тимашева» (1868).

умалчивать, лепи что хочешь. Но мы сейчас не об этом. Мы сейчас будем, как и принято в нашем почтенном собрании, достойно и степенно обсуждать избранную тему, повинуясь нами же избранному регламенту.

У нас есть два вступительных доклада — г-на Голубева и г-на Булдакова, после которых, как всегда, могут выступить все желающие.

Итак, я предоставляю слово Александру Владимировичу Голубеву, руководителю Центра изучения отечественной культуры Института российской истории РАН.

Прошу Вас.

А. В. Голубев

Дорогие друзья, вы, конечно, понимаете, что будь у меня не 15 минут, а неделя,— тему «Государство и революции» применительно к российской истории исчерпать было бы невозможно. Поэтому я буду говорить тезисно и постараюсь набросать картину широкими мазками, а мой коллега В. П. Булдаков более конкретно коснётся отдельных аспектов русской революции.

Надо сказать, что в русской истории государство всегда, начиная с первых столетий его существования, играло очень большую роль, намного более значимую, чем, скажем, в соседних европейских странах. При этом речь не только о реальном положении дел, но и об отношении к государству в русском обществе. За эти столетия сформировалось представление о государстве как о ценности, как о чём-то особом, иногда говорят, сакральном. Мне этот термин кажется явным преувеличением, но всё же нечто подобное в отношении к государству прослеживается. В русской культуре за эти столетия, несомненно, сложилась уверенность в его необходимости, в его ценности.

Я не буду касаться всей русской истории и подробно говорить о причинах такого отношения к государству. Если коротко, тут и периферийность географического положения России по отношению к Европе, и её фронтирный характер на границе Великой Степи, и необходимость колонизации пространства Восточной Европы, целый ряд других факторов, и внешнее влияние — византийское влияние, ордынское влияние, орденское влияние. Как бы то ни было, сложилось именно так.

Русское государство всегда сравнивали с европейскими государствами, потому что Россия, что ни говори, лицом всегда стояла к Европе и постоянно с ней контактировала. Именно европейцы сталкивались с русским государством, сравнивая его со своими представлениями. Понятно, что каждый приезжающий в чужое государство своё собственное воспринимает как эталон, это не значит, что оно таковым является. Всем, тем

Голубев А. В.

не менее, что называется, бросалось в глаза сформированное историей отличие российского государства и отношения к нему общества от европейской действительности. Важно понимать, что это отличие не было случайностью, но не было вместе с тем и проявлением какого-то рабского национального характера или особой жестокости русских властей.

С другой стороны, вот эта жёсткость государства, то, что оно на себя брало намного больше функций, чем европейские государства, в какой-то степени подменяя собой общество, приводило к тому, что, когда механизмы государства отказывали в результате кризиса, то и российская смута была, как правило, гораздо сильнее, чем подобные кризисы, революции в европейских государствах.

Мы знаем две огромные русские смуты начала XVII века и начала XX века. Я, разумеется, не буду говорить о смуте XVII века. Это отдельная тема. Здесь, прежде всего, хотелось бы ответить на вопрос: русская революция 1917 года (Февраль и Октябрь как два акта единой революции; впрочем, некоторые историки вообще начинают революцию

с 1905 года и заканчивают 1922 годом, рассматривая этот период как единый огромный кризис, есть и такая точка зрения) — чем она была вызвана? Совсем недавно у нас в Институте российской истории выступал В. В. Жириновский и начал он своё выступление с такого утверждения: Россия пережила три оранжевые революции — февраль 1917-го, октябрь 1917-го и 1991 год. У слушателей это вызвало некоторое недоумение. И он разъяснил, что оранжевые революции — это такие революции, которые проплачиваются извне. Так вот на самом деле русская революция 1917 года, равно как и революция 1905 года, равно как и революция 1991 года, была вызвана серьёзными глубинными причинами.

Если говорить о начале двадцатого столетия, это, несомненно, специфика российского процесса модернизации, то есть постепенного перехода из традиционного общества в общество модерна или, как раньше принято было говорить, индустриальное общество. Речь идёт, понятно, не о создании промышленности, речь идёт о гораздо более серьёзных и глубинных вещах — об изменении не только политической системы, но и об изменении общества, культуры, системы ценностей, о том что на смену человеку традиционного общества приходит человек общества нового, индустриального, или человек модерна. Называйте как угодно, суть дела это не меняет.

Этот переход прошли очень многие страны. Некоторые — постепенно, это те, которые первыми пошли по этому пути. Другие — те, которые чуть отстали, сталкивались с очень острыми кризисами, но потом догоняли. Сначала Англия, Голландия, вообще протестантские страны в первую очередь. За ними — Франция и ряд других стран. Чуть позже Германия, ещё позже Италия, и Россия оказалась где-то в этом ряду. Начиная со времён Петра, она, несомненно, переживала модернизацию сверху. И этот процесс породил два огромных противоречия, которые выразились в революции 1917 года. То есть противоречий-то было много, но они сводились к двум основным группам.

Во-первых, противоречия модернизации как таковой. Простой пример. В 80-е годы XIX столетия в России возникает рабочее движение, происходят первые рабочие волнения, которые гораздо больше походят на средневековые бунты, чем какие-нибудь забастовки в Англии или Америке. У нас сейчас принято гордиться тем, что в России фабричное законодательство появилось раньше, чем в США. Это абсолютная правда, но гордиться тут нечем, потому что в те годы, когда в России государство стало вмешиваться в отношения между работодателем и работником и приняло первые фабричные законы, в Америке существовали не только профсоюзы, но уже и АФТ — Американская федерация труда, объединение профсоюзов,

которое от своего имени выступало как партнёр работодателей. У нас профсоюзы были запрещены, и роль отстаивания хотя бы самых примитивных прав рабочего человека вынуждено было взять на себя российское государство.

Это только один пример. Противоречия, которые порождала модернизация, возникали, как и в других странах. Они усугублялись тем, что Россия была страной крайне неравномерно развитой, если можно так выразиться. Были западные окраины — Прибалтика, Польша, которые по своему уровню мало отставали от Европы. Была Центральная Россия, было Закавказье, Средняя Азия, я уже не говорю о Сибири, Дальнем Востоке, народах Севера и т.д. В конфессиональном отношении, в национальном отношении — пестрота была огромная. И всё это затрудняло модернизацию и порождало её противоречия.

Вторую группу противоречий, о которых я говорю, составляли не издержки модернизации. Это была реакция традиционного общества на форсированную модернизацию. Вот эта вторая группа противоречий долгое время оставалась как бы скрытой от нас по одной простой причине. Противоречия первой группы выражались в программах политических партий,— это были социал-демократы, это были эсеры, это были национальные партии, которые выступали с позиций своих народов,— но эти противоречия были на поверхности. Они существовали в общественном мнении, они оформлялись в виде политических программ, они провозглашались. Но в России не было никакого сформировавшегося традиционализма, не было противников модернизации с традиционалистской точки зрения — ни политических партий, ни каких-то крупных социальных групп, ни общественных течений. Славянофилы, например, были не меньшими западниками и модернизаторами, чем западники в точном смысле этого слова. Просто они по-другому видели пути модернизации, но они ни в коей мере не были её противниками. Но надо учитывать, что основную часть населения России составляло крестьянство, которое было почти не затронуто этой модернизацией сверху (повторяю, я не говорю о национальных районах, об окраинах — это отдельная история, это далеко нас уведёт). Значительная часть рабочих тоже сохраняла патриархальный характер, это были люди, ещё не оторвавшиеся от деревни, обычно занятые на мелких производствах, вообще городские низы, которые были затронуты модернизацией в самом поверхностном смысле.

Короче говоря, в России в начале XX века основная проблема была не в том, что выплавка стали отставала от германской или железных дорог было меньше, чем в Америке,— это одна сторона вопроса, это количественные показатели. Главное — массовая российская культура в основе своей

оставалась глубоко архаичной, патриархальной. Если брать не вершину русской культуры, не узкие круги, образованный класс, который порой был более европейским, чем сами европейцы, и который выдавал научные, художественные результаты мирового уровня,— если взять основную массу населения, мы увидим, что она в значительной мере была и неграмотной, и традиционалистски ориентированной.

Когда мы говорим о революции 1917 года, мы должны понимать, что помимо этих двух основных групп противоречий тут ещё играли роль конкретные исторические обстоятельства — разложение правящего режима, кризис власти; тяжелейшая война, которая уже с 1915 года приводит к разрушению привычной жизни не только в областях, непосредственно затронутых войной, но и в глубоком тылу; целый ряд других обстоятельств. Революционное движение занимало в этом ряду далеко не первое место.

И вот ещё один парадокс русской истории. Февраль 1917 года начинается стихийно и практически не встречает сопротивления. Да, конечно, значительная часть элиты, если не большая её часть, поддержала революцию. Как известно, все, за одним исключением, командующие фронтами высказались за отречение царя. Но ведь к тому времени, когда Николай подписал свой знаменитый манифест, уже железнодорожники отказывались царский поезд пропускать на Петроград. Войска, которые попытались двинуть на революционный Петроград, отказывались идти. То есть речь идёт о революции снизу. А «заговор верхов» только увенчал её созданием Временного правительства. Мне кажется, что было именно так.

Но проходит несколько месяцев, и следует уже не низовая стихийная революция, а то, что можно скорее назвать переворотом, Октябрьским переворотом. Но переворотом в каком смысле? В техническом смысле — да, переворот. Узкая группа людей, радикально настроенных, захватывает власть в столице государства, делает это сознательно, готовится,— это не случайная вспышка, связанная, скажем, с хлебными затруднениями. Но посмотрите на то, что происходит дальше. В абсолютном большинстве российских губерний очень быстро устанавливается власть большевиков. Их тут же поддерживает большая часть российских территорий. Кое-где было сопротивление, скажем, в Москве оно было ожесточённым, ещё в ряде городов. Но это было в подавляющем меньшинстве русских губерний. Возникает вопрос — почему?

В октябре-ноябре 1917 года у большевиков не было ни вооружённой силы, которую они могли направить в эти регионы, ни какой-то карательной системы, действующей на всей территории России, они и Петроград-то в руках держали очень условно. Значит, что-то нарастало в обществе, какая-то революционная волна, которую большевики сумели оседлать.

Когда говорят, что они проиграли выборы в Учредительное собрание,— это абсолютно правильно. Они получили около 25%. Но мало кто замечает одну очень важную деталь. Они победили с заметным перевесом в крупных индустриальных центрах, по крайней мере в большинстве из них, в том числе в Москве и Петрограде, и они победили на основных фронтах действующей армии. А это были две ключевые позиции, которые позволили им захватить власть и, главное, у этой власти удержаться.

Бердяев в своё время сказал, что либеральные идеи в России оказались утопическими. Продолжая его мысль, можно сказать, что большевизм, который (и с этим, кажется, сейчас уже никто не спорит) во многом был утопичен, оказался наиболее реалистичным в той ситуации именно в силу своей утопичности. Большевики сумели опереться на массовое сознание. Это позволило им пережить тяжелейшую гражданскую войну, удержать власть и затем приступить к своему эксперименту.

Я не буду подробно излагать свой взгляд на советскую историю. Я скажу два слова о её конце. Как сюда вписывается 1991год? Первый этап российской модернизации в 1917 году был прерван, встретившись с двумя группами острых противоречий. Советский период — та эпоха, когда несмотря на все жертвы, репрессии и т.д. и т.п. эти противоречия были в значительной степени сняты. Россия, отказавшись от форсированной модернизации первого этапа, пережила ещё более форсированную, ещё более насильственную модернизацию второго этапа. И роль государства проявлялась с гораздо большей силой, чем в предшествующий период. И государство вновь требовало от общества (и в некоторой степени добивалось) отношения к себе как к сакральной ценности.

В результате мы наконец-то получили современное индустриальное общество с соответствующей промышленностью, культурой, образом жизни, человеком индустриального общества, причём это охватывало не узкий круг, не образованный класс, не небольшое количество квалифицированных рабочих, как в 1917 году, а наверное, большую часть населения страны.

В. В. Бортко

Вы имеете в виду сейчас?

А. В. Голубев

К 1991 году. Всеобщее образование, урбанизация, рост городского населения, количественное превосходство городского населения над сельским, создание мощной современной промышленности — всё это привело к тому, что в 60–70-е годы мы уже имели завершённое индустриальное общество.

Произошли изменения в системе ценностей культуры. Это была новая, светская, современная культура модерна, такая же как в других странах. Не идентичная, конечно, но по типу, по уровню такая же, если не выше.

Единственно чего не хватало,— политическая система оставалась архаичной. И вот что любопытно: А.С. Пушкин писал в своё время, что государство у нас единственный европеец. К началу XX столетия сложился достаточно многочисленный образованный класс, который был не меньшим, если не большим европейцем, чем государство. К 1991 году оказалось, что у нас общество гораздо больше европеец в пушкинском смысле, чем государство. Режим отстал от того общества, которое всячески старался создать и развить на протяжении этих десятилетий. Вот главная глубинная причина 1991 года. Остальные обстоятельства — либо конкретно исторические, либо привходящие.

Заканчивая, подчеркну: я не верю, что сейчас у нас будет смута, равная той, которая была в 1917 году или в XVII веке. Недоверие к власти, к режиму — да, есть. Политический кризис — несомненно. Но таких глубинных противоречий я, честно говоря, не вижу. И не случайно 1991 год,— если говорить о России в узком смысле, это, в общем-то, революция, неважно как к ней относиться (я, кстати, не даю никаких оценок ни революциям начала века, ни этой революции, но они произошли, и это для историка главное),— эта революция была, по сути, не то чтобы совсем бескровной, но практически бескровной. За ней не последовало страшной гражданской войны, как в XVII веке и как с 1917 по 1922 годы.

Вот, пожалуй, коротко, что я могу сказать по этому поводу.

А.Н. Привалов

Спасибо, Александр Владимирович. Если позволите, буквально две фразы — разнонаправленные, тем самым отчасти друг друга уничтожающие.

Мне бы хотелось поспорить с двумя Вашими утверждениями. Очень коротко, я понимаю, что я не специалист в отличие от Вас. Вы сказали, что когда уж у нас срываются в смуту,— получается хуже, чем у других. У нас плохо получается. Но наши обе смуты ничем не жесточе, не страшнее, чем Великая французская революция, чем Тридцатилетняя война. Там такие красоты показывали, что нам их, в общем, перебить нечем. Это с одной стороны. А с другой стороны, мне бы хотелось поспорить, на мой взгляд, с чересчур мажорным Вашим утверждением о бескровности 1991 года. Это неверно. События, которые прямо связаны с распадом Союза, унесли, по самым скромным оценкам, 150 000 жизней, по нескромным — 600 000. Это совсем не так мало, как кажется. А миллионы беженцев, которые на это наслоились, не позволяют рассматривать ситуацию в более или менее розовых тонах.

А. В. Голубев

Позвольте ответить. По первому замечанию: я не имел в виду жестокость. И слово «жестокость» я не употреблял. Я имел в виду масштабы и продолжительность этих смут, аналоги которых, конечно, можно поискать и в Европе. (**В ответ на реплику.**) Простите, война есть война. Я говорю именно о внутренней смуте с разрушением структур повседневной жизни. Это раз.

И второе. Я уже оговорился, и ещё раз повторю: я не имел в виду события на окраинах государства (по отношению к ним Вы абсолютно правы). Я имел в виду прежде всего то, что происходило в Центральной России. Всё, о чём я говорил, относилось именно к русскому, также украинскому, белорусскому обществу, но не к Кавказу, не к Средней Азии.

А. Н. Привалов

Понятно. В этом смысле — да. Хотя то, что называлось переделом собственности,— статистики ведь нет, никто не знает, но по оценкам знающих людей, это тоже 70–80 тысяч человек.

С. П. Капица

У меня есть маленькое замечание. Мне кажется, то, что здесь сказано,— верно, но это только часть проблемы. Я хотел бы сказать вот о чём. Почему возникают трудности с анализом, который только что был вполне мастерски сделан? Они возникают в связи с тем, что Россия — это субглобальная единица. К ней не применимы модели отдельных государств. Даже такие страны, как Китай или Америка, гораздо более однородны, чем Россия, при своих нынешних и прошлых границах. И вот то, что мы субглобальная, по существу, культура, цивилизация, называйте как хотите,— это определяется уже историей, определяется географией, климатом и такими неизменными ограниченными, как говорят физики, условиями, которые наложены как бы извне.

Я думаю, что трудно рассматривать российскую историю, не принимая во внимание тот фактор, что мы имеем дело, по существу, с уникальной структурой, глобальной по своим масштабам. Её можно сравнивать только с мировой историей. Но мировая история проектируется на нашу страну, как на часть целого.

А. Н. Привалов

Абсолютно согласен. Какие бы то ни было межстрановые сравнения всегда вызывают некое сомнение.

Наш второй докладчик — Владимир Прохорович Булдаков, сотрудник Центра изучения новейшей истории и российской политологии из того же академического Института российской истории. Прошу Вас.

В. П. Булдаков

Начну с того, что с основными положениями доклада Александра Владимировича я согласен, хотя кое в чём мы расходимся. В общем, я постараюсь, насколько удастся, дополнить или углубить сказанное им.

Вообще, на революцию я смотрю не совсем так, как у нас принято. Я стараюсь даже избегать термина «революция», вписывая его в более широкое понятие — смута или системный кризис. Моя основная книга так и называется: «Красная смута». Она выстроена, скорее, по аналогии со Смутой XVII века, нежели по более привычным политическим критериям. Я смотрю на революцию как на часть системного кризиса империи, который включает ряд компонентов и, соответственно, проходит несколько стадий. В предложенной вам сегодня статье трехлетней давности, опубликованной в журнале «Вопросы философии», всё это показано в сжатой форме.

С заявлением Александра Владимировича о том, что российская государственность представляет собой нечто особенное, на мой взгляд, надо согласиться. В чём эта особенность? В том, что, с одной стороны, российская государственность наследовала византийские традиции авторитаризма, с другой — обрела монгольское силовое наполнение. Вот такой странный, противоречивый симбиоз. В целом это чрезвычайно архаичная, патерналистская в своей основе конструкция. При этом несомненно, что российская государственность — своего рода метафизическая или сакральная величина в сознании своих подданных. А сакральные величины, как известно, при известных условиях имеют обыкновение обращаться в свою полную противоположность. В России этот феномен проявился в полной мере как в начале XVII века, так и в 1917 году. Напомнил он о себе и в 1980–90-е годы.

Чем были определены особенности российской государственности? Почему «византийско-монгольский» стереотип властвования законсервировался? На мой взгляд, это связано с гигантской, непрерывно расширяющейся территорией, с одной стороны, с разреженностью склонного к миграциям аграрного населения — с другой. Российская государственность не случайно формировалась столь болезненно. Гигантское пространство территорий и пространство населения надо было соединить в пространство власти. В связи с этим духовная или, точнее говоря, идеологическая составляющая государственности приобретала чрезвычайно серьёзное значение. В этом помогло православие, которое целиком и полностью работало на государство, точно так же как в советские времена «марксистско-ленинская» идеология целиком и полностью обслуживала «партию-государство».

Вот на этот момент я хотел бы в первую очередь обратить внимание. Российская государственность генетически таила в себе риск превращения

Булдаков В. П.

пространства власти в пространство хаоса. При идеологическом (духовном) кризисе непременно возникала именно смута. Революцию можно рассматривать как её часть.

Александр Владимирович связывает российскую революцию с модернизацией. Дело не только в этом. Сложности модернизации лишь провоцируют кризис. В сложноорганизованной системе российского типа рано или поздно может возникнуть малозаметный дисбаланс, чреватый далеко идущими последствиями. Допустим, если резко расширяется территории, то соответственно должна усложняться система управления. Осуществить это при одновременно усиливающейся бюрократизации весьма непросто.

Или другое. Резкий скачок народонаселения — то, что мы имели во второй половине XIX века, непредсказуемый демографический бум. Он особенно болезненно сказался на России, хотя это явление общеевропейское. Или другой момент — миграционные процессы. Это тоже очень болезненный фактор для России. В старину казаки, стихийно устремившиеся за восток, автоматически создавали для государства сложную

управленческую проблему. Иван Грозный не случайно возражал против того, чтобы они двигались за Урал,— он понимал, чем это чревато. Алексей Михайлович в своё время не очень-то хотел присоединять Украину. Он понимал, что́ может со временем в связи с этим произойти. И действительно, во-первых, потребовались непомерные расходы, во-вторых — из необходимости унифицировать «имперскую» веру вырос Раскол.

В свете революции 1917 года данный духовно-идеологический фактор выглядит символично и симптоматично. Сложноорганизованная система таит в себе много незаметного и непредсказуемого, особенно для современников. Когда нарушается «невидимый» внутриимперский баланс, можно ожидать чего угодно. И этот фактор может ещё не раз в той или иной форме проявить себя. Когда это случится — никто не скажет, но от больших и малых потрясений мы не гарантированы. В своё время в «Красной смуте», в её заключительной части, я назвал события 1991 года вялотекущей революцией. Слава Богу, что она оказалась таковой, хотя и её проблем хватило и хватает до сих пор. Хотя сравнительно с событиями 1917–1920 годов всех возможных ужасов системного кризиса мы, к счастью, не ощутили.

Коротко отмечу, что российский системный кризис проходит несколько стадий, или включает несколько соответствующих компонентов. Я их перечислю: этический, идеологический, политический, организационный, социальный, охлократический и рекреационный. Этический компонент кризиса социологически почти не уловим. Представьте, появляются такие фигуры, как Радищев и Солженицын, и вдруг в обществе что-то незримо происходит, что-то переворачивается, сакральные покровы с власти, с государства начинают сползать. Вслед за тем появляются идеологические альтернативы существующему порядку. Закрадывается мысль: то, что мы имеем, заведомо нехорошо, при устранении существующей системы всё станет прекрасно. Конечно, это утопия, но утопиями, увы, движется мир.

В связи с идеологическими новациями в России не случайно появляются культурные субэлиты, а затем возникают политические партии, предлагающие те или иные доктрины, противопоставляющие себя существующему порядку. В результате взаимодействия этих новых элит, в ходе их совместного давления на государство возникает организационный кризис, который постепенно перетекает в кризис социальный. За ним следует охлократия, то есть разгул толпы со всеми вытекающими отсюда последствиями. Я мог бы подробно рассказать, как это было, в какие месяцы и даже дни 1917 года всё это происходило. Но основная сложность осмысления «красной смуты» даже не в этом. Сложнее всего уловить и понять, как протекал так называемый рекреационный период смуты, с действием каких сил он был связан в 1920-е годы.

Так за счёт чего произошло фактическое возрождение империи в новой идейной оболочке? На мой взгляд, это произошло за счёт фрустрационной усталости социального пространства: истощённое во всех отношениях общество готово было согласиться буквально на любую власть. Именно так, под трудно ощутимым воздействием «безмолвствующего народа», и происходило неуклонное восстановление, возрождение старой системы. Кстати, нечто подобное мы пережили не столь давно. Мы избирали в 1917 году (и избираем вновь) привычную неэффективность. Что будет дальше — посмотрим.

Хотелось бы обратить внимание ещё на один момент. Александр Владимирович уже говорил, что система наша архаична, поскольку упорно базируется на старых, как мир, патерналистских основаниях. И вот такая устарелая система в период модернизации становится избыточно эмоциональной. Происходит своего рода эмоциональное перенасыщение социального пространства. К началу XX века этот феномен был налицо. Все чувствовали, что революция буквально висит в воздухе. И это состояние знакомо нам по нынешним временам.

Российская система особенно «революционна» именно в силу своей архаичной эмоциональности. Совершенно не случайно Ленин как-то назвал Льва Толстого «зеркалом русской революции». Это действительно так. Сакральное основание империи к тому времени основательно истощилось, одряхлело. Православная церковь находилась в тяжёлом состоянии, в известной степени она даже конфликтовала с властью. В годы Первой русской революции Николай II отказал в восстановлении патриаршества, это настроило часть епископата против власти — пусть в латентной форме. Что касается взаимоотношений церкви и прихожан, то здесь тоже накопилась масса настроений. Приходская жизнь в России была неразвита, она, в сущности, находилась в зачаточном состоянии. На приходском уровне противостоять революции было практически невозможно. Это в условиях, когда известные произведения русской литературы становились для интеллигенции объектом почти религиозного поклонения! Фактор эмоционального перенасыщения общества был налицо.

Факторы, о которых говорил Александр Владимирович, безусловно, действуют. Но стоит взглянуть глубже. Далеко не все слагаемые революционной смуты мы умеем различать. Приведу простую аналогию. У нас часто гадают: почему постоянно бунтует Северный Кавказ? Между тем где-то со второй половины XIX века было замечено, что там мужское население заметно превышает женское. Как, почему, за счёт чего,— не известно. Но фактор «агрессивной маскулинизации» социального пространства налицо. Как известно, города России в 1917 году были переполнены солдатами. Это крайне

агрессивная масса. В связи с этим возникали не просто классовые противоречия. Всё было намного сложнее и серьёзнее. Благодаря воздействию солдат в обществе возникали агрегированные эмоциональные состояния, направленные против существующей власти. Складывалось представление, что она не имеет морального права на существование. Подобная ситуация хорошо нам знакома по современности.

Хотелось бы обратить внимание на ещё один момент. Уже прозвучала мысль о том, что мы не знаем историю революции. Вообще-то, мы просто не знаем собственной истории, точнее, не понимаем её естественного хода. Это происходит оттого, что на протяжении многих веков за нас писало историю государство, вдалбливая в головы представление о чисто государственной её природе. Так было не только в Советском Союзе. Если угодно, всё началось с Нестора-летописца. Государство диктовало ту историю, которая нужна была ему самому. И историю русского, российского народа мы до сих пор не написали, и не знаем, к сожалению, как это сделать. Вот на этом я позволю себе закончить.

Перед вами моя статья, которая называется «Революция как проблема российской истории». Когда она была уже написана, я понял, что сначала следовало написать статью «Застой как проблема российской истории». Вот тогда происхождение революции было бы понятным.

А. Н. Привалов

Спасибо, Владимир Прохорович. Я бы всё-таки хотел заступиться за Нестора, хотя ему, в общем, уже всё равно. Мне всё-таки не кажется, что его надо уж так обвинять в государственническом подходе. Я думаю, что некоторым из здесь собравшихся, по крайней мере некоторым, доводилось читать совершенно замечательные книги, школьные книги по истории, которые написали Диккенс, Вальтер Скотт, отчасти Черчилль. Это люди заведомо бóльшего масштаба, чем дешёвые пропагандисты, которых может нанять государство, и они тоже написали, в общем, довольно сильно приглаженные истории про знаменитую резню, когда англичане выкосили треть Ирландии. Ни в одной школьной книге по истории Англии нет ни полслова об этом. Это государство их заставило? Нет, простое соображение, что детям не всё надо говорить. Впрочем, это уже детали.

Приступаем к обсуждению и выслушанных нами двух вступительных докладов и собственно темы, у которой нет ни конца, ни края, ни границ.

Я предоставляю слово заместителю председателя Комитета Госдумы по культуре, а мы все его знаем как деятеля оной культуры,— Владимиру Владимировичу Бортко. Прошу Вас.

В. В. Бортко

Позволю себе открыть рот в этом собрании, хотя то, что я здесь сижу, является — для меня, во всяком случае,— достаточно странным. Но меня сюда привело и ваше приглашение, спасибо вам, и заявленная тема обсуждения: «Государство и революции». Поскольку я ещё и член Коммунистической партии, то это ко мне имеет непосредственное отношение, потому что КПРФ, коммунистическую идею почему-то ассоциируют только с революцией. Хотя, по-моему, это не совсем так.

Я внимательно выслушал сейчас два доклада, чрезвычайно интересных, насыщенных, очень умных доклада. Но мне хотелось бы кое в чём, если позволите, возразить вам, может быть, вызвав просто дальнейшую дискуссию, где мне тоже станет понятно, как глубоко я не прав.

Во-первых, что касается термина,— не совсем понятно, что означает «эмоциональное переполнение».

Реплика

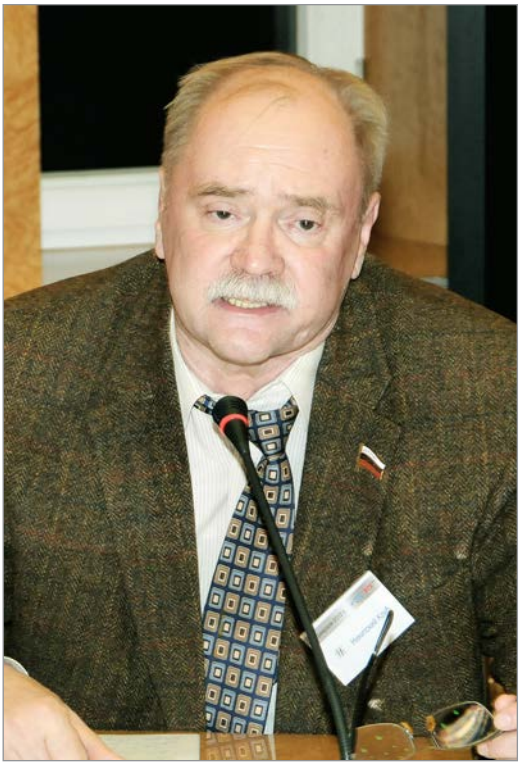
Перегрев.

В. В. Бортко

«Перегрев» — тем более. Как воспитанник профессора Капицы, которого я смотрел по телевизору, я, в общем, абсолютный материалист, и пытаюсь найти во всём, даже, казалось бы, в таких совершенно гуманитарных вещах, как история, прежде всего, тем не менее, абсолютно понятные мотивы поведения. Хотелось бы избежать таких терминов, как «эмоциональное переполнение», и говорить о совершенно конкретных вещах.

Например, я хотел сейчас начать говорить о Несторе-летописце, а потом понял, что это действительно довольно далеко. Хотя, честно говоря,— читая достаточно много книг по истории,— до Ивана Грозного, на мой взгляд, всё выглядит довольно просто: был князь очень хороший, он родил много сыновей и умер, потом сыновья друг друга зарезали, и снова был князь очень хороший, он родил много сыновей, они друг друга зарезали... И так до Ивана Грозного, до покорения Казани. А вот здесь происходит существенный скачок и совершенно, на мой взгляд, кардинальное изменение нашей истории, которая не заканчивается и по сей день.

Поскольку здесь ссылались на Владимира Вольфовича Жириновского,— я его слышу каждый день, и он каждый день не устаёт говорить, что все беды России начались с пришествия большевиков в Россию. Это несколько не так, на мой взгляд. Завтра я ему об этом попытаюсь рассказать. А сегодня я скажу вам, что все беды в России, как ни странно, начались со взятия Казани. Почему? Потому что не столько само взятие Казани, а включение



Бортко В. В.

Казанского ханства в границы России и привело к очень крупным неприятностям, которые не кончаются и сегодня. Включение Казани было начальным этапом того, что продолжалось следующие четыреста лет.

В отличие от разумных англичан, которые, правда, живут на острове, Россия вела себя по-другому. Она включала провинции в метрополию, что в результате привело к очень неприятным вещам. Каким именно? Любая страна управляется элитой. Это не хорошо, не плохо, элита — это не значит, что люди с какой-то голубой кровью, это те люди, которые управляют. Это факт. И точно такой же факт — постоянно появляющаяся контрэлита, то есть люди, которые могут и хотят управлять государством.

Что же происходит в мононациональном государстве? Одна элита рассказывает всем остальным, какая плохая вторая элита. Всё идёт нормально, хорошо и, в общем, страна движется по пути прогресса. Что происходит в многонациональном государстве? Контрэлита пытается, прежде всего, обратиться к наиболее понятным вещам для электората, или народа, называйте его, как хотите,— к национальному признаку. «Башкиры, вы,

угнетаемые русскими на протяжении 400 лет, идите за мной, я выведу вас...»[4],— не будем говорить, что это демагогия, а важно другое. Важно то, что я почти выигрываю выборы, и за мной идёт много народа.

История по крови — это понятно, потому что любое государство это в принципе государство сугубо национальное. Оно для этого сделано, не будем об этом забывать. Не все государства, правда, мононациональные, я об этом хотел бы ещё сказать.

Итак, что же должно делать в таком случае центральное московское правительство, неважно какой политической ориентации оно придерживается? Оно борется за власть с помощью ОМОНа. Тут же, мгновенно. У него просто нет выхода, иначе государство развалится. Вот здесь конец всякой демократии европейского типа. Она невозможна в России! Ни-ког-да! Это нужно чётко понимать и отдавать себе отчёт по этому поводу. Это не значит, что демократии не может быть вообще. Но особость России, её *самость*, не в том, что здесь был писатель Достоевский, который написал произведение «Идиот» (я его экранизировал), а именно в государственном устройстве этой страны — простом государственном устройстве, которое нужно сохранять. Поэтому любое правительство в Москве или в Петербурге будет заниматься тем, что будет давить ненужные с его точки зрения посылы. Значит, демократия невозможна.

То же произошло, на мой взгляд, в России. Почему триста лет существовала российская империя, в чём же дело? Когда я был маленький, мне во втором или в первом классе рассказывали, что глупый был царь, как он себя любил, называл себя царём «великой, малой, белой, царь польский, хан татарский», и прочее, и прочее на протяжении двух страниц[5]. Вот идиот: зачем? Оказывается, не идиот. Оказывается, это было выражение каждой из наций в стране: одновременно он был и хан татарский — какая разница, живёт он в Казани или в Петербурге!

Что же произошло, на мой взгляд, в 1917 году? Произошла очень простая вещь, как происходило и раньше. Вот в Вашем докладе [Булдакову], по-моему, очень верно написано, что история России циклична, она повторяется. И почему она повторяется? Понятно почему. Что произошло? Любая

---

[4] Ссылка на манифест Емельяна Пугачёва, обращённый к башкирам во время крестьянского восстания 1773–1775 гг.

[5] Начиная со второго царя династии Романовых, Алексея Михайловича (1629–1676), титул царя звучал, в частности: «Божиею милостью Великий Государь Царь и Великий князь, всея Великия [Россия] и Малыя [Украина] и Белыя [Беларусь] России самодержец, и многих государств и земель Восточных и Западных и Северных отчич и дедич и наследник и государь и обладатель». Полный царский титул — «Большой титул» — включал перечень земель, подвластных царю.

элита стремится захватить власть, а монархия у власти — по Божьему определению. Элита этому определению не подлежит, поэтому она пытается сбросить царя. И таких случаев вы знаете больше, чем я: постоянная угроза для царской власти. И всё зависит от того, кто занимает это место. Если это Пётр I,— то контрэлита идёт туда, куда её пошлют. А если это Николай II,— всё случается с точностью наоборот, и происходит смена. Вот в чём дело, по-моему: дело абсолютно не в эмоциональном переполнении, а в простых элементарных вещах! Вот вам, с одной стороны — так, а с другой стороны — этак.

Очень интересно, как это повторилось второй раз: Форос, возвращение Горбачёва. То же самое, один к одному! Когда элита не хочет больше защищать собственную страну,— конец тебе, парень. Оно и происходит — происходит понятно и объяснимо почему.

Что же произошло в 1917 году? Вы говорите, как, почему вся страна по непонятным причинам вдруг стала коммунистической! Да по очень понятным причинам. По одной простой причине,— потому что большевики предложили то же самое, что и царь: «несть ни эллина, ни иудея»[6], вы будете все одинаковы, будете делать то, что надо; вся страна — целая: мы это делаем. Вот причина — как это у большевиков? — «стремительное завоевание советской властью всей нашей страны».

Здесь есть, правда, ещё одна эмоциональная причина: русский человек, как правило, очень подчиняется приказу из центра. Это, кстати, одна из причин проигрыша Белой армии, которая была в принципе мощнее, чем Красная. Но приказ исходил из центра от царя-батюшки, а он всегда прав.

Что же у нас происходит сегодня? Что же нас ждёт далее? А далее нас ждёт вот что. Посмотрите, пожалуйста, что же сделали либералы, когда практически ликвидировали Советский Союз. Они в принципе ликвидировали идеологию, не поставив никакой взамен. Пустота, идеологическая пустота! И этого мало, потому что дальше логично, если вы ликвидируете Советский Союз,— возведите империю, её идеологическую начинку. Этого не последовало. И тоже понятно почему: не выгодно!

Что же происходит в настоящий момент? Две вещи. Первое — всемерное, в шесть раз увеличение бюджета на правоохранительные органы: страна держится силой. Сильный вождь: Владимир Владимирович [Путин] крепкий человек. А когда он немножко ушёл от власти, всё вдруг начало трещать, и очень сильно. Ещё немножко, и был бы 1917 или 1991 год. Можно держать страну год, можно два, можно десять лет, но не больше. Значит, необходима идеология, скрепляющая страну. Какая? Да вот та самая, которая

---

[6] Из Послания Апостола Павла к Колоссянам (Новый Завет).

была. Только не нужно говорить о том, что опять Сталин, ГУЛАГ и пр. Хотя и Сталин и ГУЛАГ...,— мой следующий кинофильм, если мне дадут возможность снимать, будет называться «Иосиф Виссарионович Сталин». А это заставило меня прочитать много книг, много всякой литературы.

А. Н. Привалов

Не по пьесе Булгакова?

В. В. Бортко

Нет, «Батум» здесь совершенно ни при чём. Поэтому мой прогноз жизни нашей страны, и он основан не на эмоциях, а просто на здравом рассуждении: либо появляется идеология, скрепляющая эту страну, как меня учил профессор Капица, либо она разваливается. Другого пути не дано. Вот примерно то, что я хотел сказать.

А. Н. Привалов

Спасибо, Владимир Владимирович. Некоторые вещи Вы сказали совершенно феноменально. Вот просто жалко, что этим не был задавлен Владимир Вольфович. Когда Вы сказали нам, что большевики объявили России, что она целая, и начали с Брестского мира,— ну, это цирк какой-то! Это просто даже оценить невозможно: Брестский мир — и Россия целая! Ну, что съели, то съели, Господь с ним!

В. В. Бортко

Долго ли просуществовал Брестский мир?

А. Н. Привалов

Нет, но они начали именно с этого.

В. В. Бортко

Другого выхода не было. Страну сломали либералы в 1917 году, до большевиков.

А. Н. Привалов

Понятно. Пожалуйста — короткая реплика.

В. П. Булдаков

Моя реплика связана с тем, что российская государственность не предусматривает элит вообще. Есть власть, и есть население, популяция. Всё остальное — лишний человек.

А. Н. Привалов

Здесь есть расхождение. Владимир Владимирович говорит — элита, Вы говорите — власть. Это одно и то же.

В. П. Булдаков

Я говорю, что власть не предусматривает элит. Чиновничество — предусматривает.

А. Н. Привалов

Элит никогда и не было. После Карла Первого и, соответственно, Второго элит разных и в Британии не было. И ничего, живут как-то.

В. П. Булдаков

И второй момент, прошу прощения. Мы как-то забываем о том, что большевики не власть захватывали ради власти, они работали на мировую революцию исключительно.

А. Н. Привалов

Владимир Владимирович Вам тоже скажет, что это было очень недолго.

В. В. Бортко

И будет прав.

В. П. Булдаков

Нет, это было достаточно долго, до 20-х годов это держалось.

А. Н. Привалов

Если позволите, ещё одно замечание по поводу последних выступлений, и передаю слово следующему. Россия, если не считать азиатского подбрюшья, которое неизвестно зачем генерал Скобелев взял в середине XIX века,— если не считать вот этого, Россия была гораздо более мононациональной, чем любая Франция. И когда Пугачёв говорил: «Башкиры, за мной»,— ну, башкиры шли за ним некоторое время, потом голову долой, и всё, вся песня закончилась. Извините, это замечание неспециалиста.

В. В. Бортко

Я в Уфе это расскажу.

А. Н. Привалов

Хорошо. На самом деле, в России даже сейчас, кажется, 83% называют себя русскими. Это немыслимо много, во Франции гораздо меньше.

Доцент кафедры теории и практики государственного управления НИУ ВШЭ Павел Михайлович Кудюкин — прошу Вас.

П. М. Кудюкин

Поскольку я, с одной стороны, достаточно профессионально занимаюсь проблемами государства, а с другой — считаю себя политическим наследником тех, кто в 1917 году в феврале активно участвовал в разрушении старого российского государства (российских демократических социалистов), то мне в этом обсуждении в какой-то мере и карты в руки.

Прежде всего, я бы предостерёг от чрезмерной абсолютизации противопоставления цикличности и поступательности, которая, как мне кажется, прозвучала у Владимира Прохоровича [Булдакова]. Да, в истории, и это давно отмечено, ещё в античные времена, существует определённая цикличность. Вообще, в известном смысле историю как науку можно определить именно как науку о повторяемости в неповторимом. История всегда имеет дело с уникальными событиями и в то же время находит в них некоторую повторяемость. Но её, ещё раз подчеркну, не стоит абсолютизировать.

Сопоставляя две «смуты» — начала XVII и начала XX веков, нужно учитывать ряд обстоятельств, как сближающих, так и различающих две эти исторические констелляции. Здесь справедливо говорилось, что и то и другое — кризис империи, причём, как Сергей Петрович справедливо заметил, империи очень специфической. Он употребил термин «субглобальный характер России», а один из моих учителей — Михаил Яковлевич Гефтер [7] — формулировал то же самое немного по-другому: Россия — мир миров. Своего рода модель мира, включающая элементы примерно так же, как мир их включает в целом. И это, конечно, накладывало отпечаток на события.

Но в начале XX века появилось то, чего в начале XVII века не было и быть не могло. Ведь к этому моменту Россия была уже обществом модерна, конечно незавершённого, но в значительной степени всё же модерна. Что проявлялось, среди прочего, в такой характерной черте модерна, как значительный элемент проектности в общественной и политической жизни. И не случайно мы начинаем отсчитывать, при всех оговорках, новое время в России с Петра, в деятельности которого впервые в нашей стране проявляется некоторый проект.

А к началу XX века европеизированное, достаточно узкое ещё, но многое, хотя и не всё, определявшее «общество» несло в себе целый букет, веер

[7] Михаил Яковлевич Гефтер (1918–1995) — советский историк и философ.

Кудюкин П. М.

проектов будущего России, спорящих между собой и оспаривающих всё вместе — инерцию и традицию. И в условиях глубокого кризиса, действительно имевшего очень серьёзные и долговременные корни, о которых говорил Александр Владимирович [Голубев], и дополнительно усугублённого и обострённого Первой мировой войной, появилась возможность эти проекты предложить, а это предложение столкнулось с глубокой архаикой большинства российского общества.

Но ведь были же шансы, если можно так выразиться, совместить архаику с модернизацией! В этом смысле результаты выборов в Учредительное собрание, где архаичное во многом русское крестьянство отдало голоса вполне модерной партии социалистов-революционеров, нёсшей тоже свой проект модернизации, существенно иной, чем у большевиков. Но в итоге выиграл большевистский проект, модерный же, но, как оказалось, в гораздо большей степени отвечающий неким глубинным запросам общества.

И с этой точки зрения развитие советского общества было во многом глубоко парадоксальным. Оно продолжало ту линию, которая была

присуща и русскому самодержавию XVIII–XIX веков, то, что Анатолий Григорьевич Вишневский определил как «консервативную модернизацию» — заимствование организационных, технических, экономических решений у более развитых, более продвинутых обществ. Но заимствование, направленное на то, чтобы закрепить и усугубить как раз некоторые (и определяющие) традиционалистские и архаичные черты. У Петра мы видим создание нового государственного аппарата в широком смысле, с ориентацией на самые передовые для того времени шведские образцы, но... на базе тотального закрепощения и усиления деспотического характера самодержавия.

И у большевиков мы видим примерно то же самое: заимствование современной техники вплоть до массовой закупки целых заводов (ведь первая пятилетка была просто закупкой заводов, прежде всего в США, перенос их сюда готовыми), заимствование передовых технологий на базе опять-таки тотального закрепощения, как в сельском хозяйстве, так и в промышленности. А государство до конца существования советского общества оказывалось самой архаичной его частью. Вот общество двигалось, осовременивалось, а власть оставалась архаичной. И это в значительной мере породило кризис конца 80-х — начала 90-х годов.

Вместе с тем вторая Смута, в начале XX века, была куда более хаотичной, чем первая. Первая Смута действительно оставила глубокую травму в общественном сознании, которая дошла и до нас в исторической памяти (включая само слово «Смута» со всеми его коннотациями). Но если мы более спокойно проанализируем развитие событий? Да, время было страшное, война всех против всех. Но не так давно появилось два крупных исследования (Д. В. Лисейцева и Н. В. Рыбалко) о деятельности российского госаппарата в период Смуты. Неожиданно оказалось, что госаппарат вполне исправно работал. Ну, не как часы, он вообще как часы, у нас в России, наверное, никогда не работал, но работал ничуть не хуже и ничуть не лучше, чем он работал до Смуты и чем он работал после Смуты,— примерно так же, как при Иване Васильевиче, примерно так же, как при Алексее Михайловиче. А глубина кризиса была связана прежде всего с его династическим характером, что для средневекового ещё сознания русского человека было чрезвычайно травматическим. И отсюда успех самозванцев — не первых и не последних в русской истории, но наиболее успешных. И шарахания городов, которые прислонялись то к Москве, то к Тушину.

Смута же, гражданская война, всё, что происходило в России в начале XX века,— это революция как явление модерна. Революция, как говаривал

Жан Жорес[8], варварская форма прогресса, причём тут ударение должно падать и на «варварская» и на «прогресса». Это крайне дорогостоящий способ. Я бы даже сказал, совершение прогресса общеопасным способом, если заимствовать такую форму из уголовного права.

С другой стороны, революция — это наказание народам за тупость и негибкость их правителей. В своё время на опыте Французской революции Токвиль[9] сформулировал свой знаменитый закон, состоящий в том, что самый опасный момент для переживших своё властей, для властей, запоздавших с перезревшими преобразованиями,— это момент, когда власть рискует всё-таки их начать. Вот тут и начинается стремительный рост ожиданий, требований. И власть имеет очень много шансов рухнуть. Собственно, это мы наблюдали неоднократно в мировой новой и новейшей истории, мы это наблюдали и в 1917 году, мы это наблюдали и в 1988–1991 годах.

Да, можно проводить параллели, можно отслеживать повторяемость, но нужно всё-таки видеть и принципиальные отличия разных эпох. История всё-таки циклично-поступательна,— я бы так это сформулировал.

А. Н. Привалов

То есть это карусель, которая сорвалась с оси и ещё куда-то катится.

По поводу замечательного высказывания насчёт варварского способа прогресса я бы хотел поделиться недавно мною вычитанным другим соображением о том, почему из революции проистекает некоторый прогресс. Революция столько всего ломает, что из того, что потом приходится строить, что-то получается удачно. Вот, собственно, и всё. (**В ответ на реплику.**) Возможны разные мнения, я же не против.

Предоставляю слово Кириллу Эмильевичу Разлогову, директору Института культурологии, киноведу. Прошу Вас.

К. Э. Разлогов

Я в последнее время переродился в такого своеобразного прикладного политолога. Меня беспрерывно приглашают на какие-то обсуждения, которые касаются то нового законодательства по выборам, то будущего России, то чего-то ещё, поэтому я решил сегодня послушать умных людей, коллег-историков, поскольку по первому образованию я историк,

---

[8] Жан Жорéс (1859–1914) — французский политический деятель, социалист.

[9] Алексис Токвиль (1805–1859) — французский политический мыслитель, историк и политический деятель, лидер консервативной Партии порядка, министр иностранных дел Франции (1849).

Разлогов К. Э.

но, правда, историк искусства. Посмотреть, как это выглядит с точки зрения такой не очень признаваемой специальности, как культурология.

Ведь о чём идёт речь? Речь идёт о том, что есть некая специфическая культурная российская среда. Я не совсем согласен, что она абсолютно специфическая. Она действительно есть порождение географических условий, истории. Но с другой стороны, Россия — это империя. Британия тоже была империей. Так же как распалась Британская империя, распалась и Российская империя. Ничего тут особенного не произошло. Единственная особенность — владения Российской империи находились на одной территории, а Британской или Голландской — в разных местах, поэтому распад носил несколько иной характер. Но в принципе этот распад — закономерный процесс, и он может протекать более или менее мирно или более или менее кроваво.

В эпоху моей юности считалось, что революция это хорошо не только потому, что там большевизм или коммунизм, а потому что, например, всякое подлинное искусство — революционно. Был такой постулат, который

с молоком матери нам внушали и университетские учителя, и люди, очень хорошо знающие историю мирового искусства: если художник не обнаруживает ничего нового, он не настоящий художник. Художник должен вести за собой окружающих, правда, не очень понятно, к каким целям. Со временем мне стало понятно, что, во-первых, культура по своей природе явление консервативное, поэтому любимая фраза нашего начальства, что теперь у нас культура будет «инновационной»,— бессмыслица. Культура существует для того, чтобы люди понимали друг друга, чтобы хотя бы был некий общий язык, на котором они говорили бы. И если начинать ломать этот язык, то ломается всё общество, ломается взаимопонимание, поэтому культура всеми своими силами стремится сохранить статус-кво и никуда ничего не пускать. На часто повторяемый вопрос, почему, когда объявляется лозунг модернизации, у наших лидеров в посланиях Федеральному собранию не звучит слово «культура», можно ответить так: потому что, видимо, их молодые советники понимают, что культура — это то, что по своей природе противостоит всяческой модернизации, что это основной враг, против которого нужно ополчиться и которого нужно блокировать всеми силами.

Правда, в культуре есть маленький-маленький слой, который ведёт вперёд, и ведёт к изменениям. Но этот слой обычно вызывает резко болезненную реакцию. Последние примеры: группа «Война», которая очень лихо расправилась с поднимающимися мостами в Петербурге, ну и лающий художник Кулик с его картиной «Целующиеся милиционеры»,— всё то, что министр культуры не пускает на выставки за границу, всё то, что запрещается. Выставка «Осторожно, религия!», за которую люди идут под суд. Вот этот маленький кусочек культуры, который стремится что-то изменить, работать в одном направлении с модернизацией, постоянно вызывает болезненную реакцию. Это и есть революционная составляющая, тот самый небольшой слой, который стремится к этим изменениям, и каким-то образом, с кровью или без крови, что-то, может быть, изменит, а может быть, и нет.

И то, и другое — внутри культуры, то есть внутри культуры есть огромный консервативный слой, который всё держит, и государство удерживает как единое государство. Потом опять же, как здесь было сказано, наступает какая-то смута, и что-то в этом плане меняется: государство разваливается, появляются новые государства. Есть небольшой слой, который стремится это всё расшатать, но расшатывает он это медленно, потому что пока это всё, как группа «Война», дойдёт до всеобщего употребления, должно пройти достаточно большое количество веков. Та и другая тенденции здесь лежат и внутри культуры, и внутри истории.

Есть ли какая-то специфика российской истории в этом плане, помимо того что Россия это большая империя, находящаяся на единой территории,— не знаю, не уверен. Аналогичные процессы можно наблюдать и в мононациональных государствах, и в больших империях, которые формировались по-другому. В период культа революции мы считали Французскую революцию великим движением вперёд, потом большевистскую революцию великим движением вперёд, а потом будет ещё одна революция, как говорит один из современных лидеров. А культура будет всё это блокировать, всему этому мешать, всё это тормозить и тем самым способствовать какому-то равновесию.

Как мне кажется, с точки зрения особенностей и того этапа российской истории, который нам посчастливилось пережить,— слава Богу, мы пережили периоды изменения оттуда и отсюда,— самое главное это та самая цикличность, которая действительно возвращает всё на круги своя. Честно говоря, в последнее время у меня полное ощущение, что я живу в семидесятые годы прошлого века, эпоху моей юности. Государство работает так же, отношение то же, система коррупции та же, система взаимодействия та же, блат тот же. Вот менялись, менялись, менялись, а потом вернулись туда же. Более того, организация, которая когда-то это организовывала, называлась КГБ, сейчас — ФСБ, по-прежнему всё это организует сейчас. Сменился как бы поверхностный слой культуры. Он на самом деле тоже сменился в сторону православия, самодержавия, народности. Поэтому здесь, когда мы говорим о «государстве и революции», наверное, нужно иметь в виду, что реформы, которые государство запускает сверху и пытается их провести, в какой-то момент само же государство пугают, и то же самое государство начинает их всячески тормозить.

Но, конечно же,— и тут я не могу не согласиться с нашим ведущим,— при этом есть некое движение. В нашей юности это называлось, в соответствии с марксизмом, движением по спирали, сейчас это — сорвавшаяся карусель, которая меняет своё направление. Но приземляемся мы, на самом деле, не совсем в том месте, с которого начинали своё движение. Какое-то движение есть, но оно не измеряется этими двадцатилетними промежутками, одним поколением.

У нас в искусствоведении, когда мы не можем прийти к согласию в оценке того или иного современного художественного произведения, мы говорим: «история рассудит». К счастью, в искусстве история рассудит лет через 200, поэтому никто из нас не увидит, кто потерпел крах, а кто, наоборот, победил. В отношении к историческому процессу, по-моему, это тоже имеет принципиальное значение. Что позволяет нам, историкам, так свободно рассуждать о том, куда же это колесо или эта спираль нас заведёт.

А. Н. Привалов

Спасибо, Кирилл Эмильевич. Я только хотел бы выразить робкую, сугубо личную надежду, что я в силу своих преклонных лет, к счастью, не доживу до того момента, когда группа «Война» станет общепризнанной. Мне было бы очень неприятно. Но этого не случится. И всё-таки: сегодня уже несколько раз повторялось утверждение, которое, поскольку говорят специалисты, разумеется, имеет прямое отношение к действительности, но всё-таки оно не абсолютное,— утверждение, что в последние годы советской эпохи самой развитой частью было общество, а самой отсталой частью было государство. Это самообман. Это лесть самим себе. Общество в целом показало в 1980-е годы такой класс инфантильности, что трудно было чем-то перебить со стороны даже самой замшелой коммунистической власти. А так — всё хорошо! Цикличность, спираль — всё замечательно!

Следующий выступающий — Игорь Николаевич Шумейко, историк и писатель. Прошу Вас.

И. Н. Шумейко

Основной тезис Владимира Прохоровича [Булдакова] заточен блестяще и вполне годится для уязвления революционеров 1917 года. Утверждая, что русская революция гораздо больше похожа на русскую смуту, чем на французскую революцию, он попадает в самое болезненное место. Просится сказать: «Ровняете себя с Робеспьерами, Дантоном, Мирабо [10]? Да вы, батенька, скорее атаман Заруцкий [11] или Васька Ус [12]»... Но в действительности русская революция 1917 года, если отвлечься от зипунов, поджогов и прочего внешнего антуража, все же копия *не* русской смуты, а французской революции. Например, в направлении уничтожения сословий. Что французская, что русская революции отменяли сословия юридически, подкрепляли это резнёй, проскрипциями первого и второго сословий — дворян и священников.

В этом совпадение обеих революций, а вот во время смуты сословия стояли незыблемо. Никому и в голову не приходила мысль о национальном государстве вместо сословного. Правда, у В. П. Булдакова говорится о хаосе: тягловые сословия бегут от тягла, служилые бегут от службы. Но это общая тенденция, просто в период смуты эти процессы усилились из-за

---

[10] Деятели Французской революции.

[11] Заруцкий Иван Мартынович (?–1614) — атаман донских казаков, один из предводителей казачества в эпоху Смуты; сторонник Лжедмитрия II, после отступления которого от Москвы стал поддерживать польского короля Сигизмунда III, затем ушёл в Калугу к самозванцу.

[12] Атаман разбойников, сподвижник Разина.

Шумейко И. Н.

ослабления полицейской компоненты. Известно, что в смуту в такой же пропорции росли и все прочие виды преступности: разбой на дорогах, контрафактный алкоголь.

Кстати, как автор книги «Русская водка. 500 лет неразбавленной истории» фиксирую, что именно в этот период, от Годунова до Петра, то есть Смута плюс «бунташный век»[13], русская государственная монополия на алкоголь трижды объявлялась, но ни разу не отменялась. Это — тенденция ослабления. И картина хаоса — вот тягловые побежали, служилые побежали — это общий тренд, просто полиция слабеет, и бегут сильнее. Но ни один из героев смут, ни атаман Заруцкий, ни Васька Ус, даже и не думали, что мишенью может быть сословное устроение общества. А после русской и французской революций, в чём их стопроцентное совпадение, сословия были уничтожены.

Мне кажется, что здесь на автора оказала влияние крылатая пушкинская фраза: «Русский бунт — бессмысленный и беспощадный». Но беспощадность

[13] XVII век — назван «бунташным» из-за многочисленных народных волнений.

его не позволяет сравнивать всё со всем. И революция, и смута здесь отличаются кардинально. Если взять достаточно проиллюстрированную борьбу с сословиями, их уничтожением,— это работа революции. Есть ещё балансировки по линии «монархия — республика» — здесь, возможно, докладчика тоже смущает корявость этих русских республиканских построений. В принципе, примерно так же неудачно действовали и французские революционеры. У них, по-моему, до наполеоновской, менялись три конституции, и всё вернулось всё равно к монархии. То есть с тем, что историю заворачивают в цикличность революции как якобы подобие смуты,— с этим согласиться совершенно невозможно. Русская революция всё-таки ближе к французской революции. Как бы ни хотелось кого-то уязвить тем, что ты не Дантон, а атаман Заруцкий,— это факты всё-таки противоположного характера.

Есть в докладе другое очень интересное место — о том, что в демократии народ подчинён собственной воле, а это тяжёлый вид рабства. Здесь цитируется мысль Максимилиана Волошина[14]: свобода требует поддержания, постоянной смазки какой-то машины по её поддержанию. Эту глубокую мысль докладчики привели очень удачно. Многочисленные митинги сейчас за честные выборы, свободу избрания, свободу прессы, собраний и пр. отмечаются тем, что здесь скорее стремление к безответственному квазирабству, нежели готовность к постоянной работе над поддержанием этой машины по обеспечению свободы.

В двух своих книгах я формулирую это чуть-чуть по-другому: русская свобода включает свободу от свобод. Эта мысль доведена до абсолюта у Фомы Аквинского[15], так сказать, отца западноевропейского менталитета. У Фомы Аквинского есть молитвы-благодарности по разным случаям: благодарность за выздоровление, благодарность по возвращению из путешествия, и одна из таких молитв — «Благодарность святому духу за избавление от необходимости иметь политическое мнение». Он не говорит — вообще от политического мнения, Фома Аквинат не анархист. Но святой дух освобождает его от постоянной необходимости иметь политическое мнение. От регулярной работы обслуживания политической машины,

---

[14] В статье «Пророки и мстители» М. Волошин цитирует Анатоля Франса: «В демократии народ подчинён своей собственной воле, а это очень тяжёлый вид рабства. В действительности народ настолько же чужд и враждебен своей собственной воле, насколько он чужд воле своего царя, так как общая воля или совсем отсутствует, или присутствует очень мало в воле отдельного человека, который, однако, испытывает это противоречие во всей его целости». См.: http://voloshin.ouc.ru/stati-o-revolucii.html.

[15] Фома Аквинский (или Фома Аквинат, или Томас Аквинат; прим. в 1225–1274) — философ и теолог, систематизатор ортодоксальной схоластики, учитель церкви.

которая обеспечивает свободу выборов, собраний, прессы и т.д. И вот русская «свобода от свобод», мне кажется, чуть-чуть совпадает с молитвой Фомы Аквинского. Очень важна мысль Волошина, что народ, подчинённый своей воле, испытывает серьёзный пресс,— другой вид рабства.

Несколько слов по поводу дискуссий о революции. Пять лет назад на страницах «Литературной газеты» развернулась дискуссия о том, что первично в российских реалиях — мировой заговор против России или ошибки власти? Заговор международного банкирства или какие-то объективные причины? И все выступления обычно сводятся к тому, что весов нет, как сравнить мировой заговор и конкретные ошибки Николая II, с одной стороны. С другой стороны, я могу для продолжения дискуссии попробовать такой метод, что ли, меченых атомов и предложить несколько простых фактов, характеризующих историю 1917 года,— кризиса, как мне кажется, без каких-то примесей. Одни говорят: ну что значат ошибки Николая, когда существовал мировой заговор против России! А другие — ровно наоборот: при таких ошибках любой заговор выглядит слабо.

Мне кажется, всё-таки монархия, если к ней подходить как к политической работе царя, то 1917-й год... Приведу примеры. Я биограф рода Голицыных, много писал и о графе Витте, несчастном, оболганном, и о князе Владимире Голицыне — лучшем градоначальнике Москвы, за уши втащившем Москву в XX век, построившем всю её инфраструктуру. И вышвырнутом великим князем Сергеем Александровичем, как и Витте. Это кризис царского режима без всяких заговоров. Ещё нет никакой пропаганды, и если этот мировой заговор и существовал, то только потенциально. Просто снимают градоначальника, при котором удачно прошла коронация Александра III (за что он получил орден), был открыт Храм Христа Спасителя — тоже массовое мероприятие. И вместо него ставят великого князя, при котором происходит Ходынка (давка во время коронации Николая II, произошедшая 18 (30) мая 1896 г. на Ходынском поле.— *Ред.*). После случившейся утром трагедии вечером на совете великих князей решают, идти ли царю на бал к французскому посланнику Монтебелло или не идти. И эта «корпорация» великих князей, которая разрослась от шести в начале XIX века до двадцати пяти, в результате убеждает Николая, что надо продемонстрировать «твёрдость» и пойти на этот бал. Это практически погубило его как монарха. Без всякого мирового заговора.

А. Н. Привалов

Совершенно без всякого заговора. Господин Руставели в переводе, по-моему, Николая Заболоцкого, сказал: «Как вредим себе мы сами, враг вредить нам не решится» (из эпической поэмы «Витязь в тигровой шкуре».— *Ред.*). Это

нормально. Что же касается «свободы от свобод» — это действительно глубоко русская идея. Я думаю, что многие присутствующие помнят (это пересказано в довольно известных вещах), что г-н Карамзин говорил, разумеется, не для печати, что если в Российской империи будет введена свобода печати, он тут же со всем своим семейством уедет в Константинополь. И ведь это он ещё Интернета не видал!

Я позволю себе предоставить следующее слово профессору МГУ Виталию Леонидовичу Тамбовцеву.

В.Л. Тамбовцев

Уважаемые коллеги, во-первых, большое спасибо докладчикам и всем выступавшим. Чрезвычайно интересно, чрезвычайно здорово. Особенно интересно для меня, поскольку я экономист, а не историк, тем более, когда речь идёт о такой недавней истории. Как однажды моя дочка сказала: «Папочке всё, что произошло позже трёх тысяч лет тому назад, просто неинтересно». И это правда. Поэтому события Среднего царства или шумерской политической истории мне гораздо интереснее и ближе, чем новейшая история, поэтому ещё раз большое спасибо.

Всё это я к тому, что моё мнение — не профессионала, а просто человека, малограмотного относительно того периода времени, который сегодня обсуждался. И поэтому я с большим энтузиазмом воспринял в выступлении Сергея Петровича упоминание или призыв к тому, что вот как хорошо, что в статье Владимира Прохоровича [Булдакова] применяются естественнонаучные категории, естественнонаучный подход и т.д. Мне это тоже показалось в принципе очень привлекательным. Однако здесь есть противоречие. Ведь в естественнонаучном подходе большое внимание уделяется так называемым агрегатным состояниям. Аналогом этого в выступлении было понятие перегретости, то есть некоторого массового возбуждённого, эмоционального состояния.

Мне как экономисту мыслить в терминах агрегатных состояний как-то не очень интересно, поскольку я принадлежу к сторонникам методологического индивидуализма, с точки зрения которых, в терминах агрегатных состояний, конечно, можно описать какие-то процессы, но их невозможно считать причинами чего-то. Ведь действует только человек, цели бывают только у человека, у индивида. Поэтому я опять же с энтузиазмом воспринял Владимира Владимировича [Бортко], который сказал, что метатермины — это очень здорово, но надо искать интересы и т.д., то есть обращаться к действиям конкретных людей.

Теперь несколько замечаний по поводу нашей дискуссии.

Замечание первое — относительно цикличности или не цикличности, был у нас такой маленький спор. Уважаемые коллеги, с моей точки

зрения, это вопрос степени общности описания, это вопрос языка. Простой пример. Вот у нас время от времени происходит смена времён года. Для коммунальных служб это всякий раз огромная неожиданность. И это тоже циклично. Но посмотрите, ведь при всём том дни-то все разные, и мы живём по-разному. Так циклично это или не циклично? С точки зрения времён года, конечно, это абсолютно жёсткая цикличность, и она будет сохраняться до тех пор, пока Земля вращается вокруг Солнца, ну, или наоборот, как некоторые считают. А с точки зрения содержания жизни каждого человека — ну какая это цикличность? Вчера было чёрт знает что, низкое давление, а сегодня давление нормальное, то есть никакой цикличности. Так что, есть она или нет? Понятно, о чём идёт речь: это в чистом виде вопрос языка, и не более того. Шумеры, например, считали, что историческое время вообще циклично, и сами шумеры, по образному выражению одного из специалистов, «шли вперёд, глядя назад». Вот так они воспринимали время. Ну, а мы воспринимаем по-иному.

Второе замечание — относительно прогресса и кризисов. «Государство и революции» — это наша основная тема. С моей точки зрения,— а я, повторяю, экономист, которому интересно заниматься такой штукой, как институциональные изменения, то есть изменения в правилах, которые нас окружают,— так вот с моей точки зрения, всякого рода скачкообразные, резкие, а тем более с применением насилия изменения в чём-то, особенно в жизни организаций,— это всегда следствие того, что лица, занимающие руководящие посты в этой организации (неважно, фирмы или государства), не желают изменять те самые правила, по которым они живут. Иначе говоря, революция всегда следствие ригидности организации, ригидности государства, которая в свою очередь следствие того, что в сложившихся условиях хорошо удовлетворяются личные интересы и амбиции правителей: человеку хорошо, и он не хочет меняться. Действительно, с чего вдруг меняться, если у меня всё хорошо? А поскольку люди ограниченно рациональны, человек не видит последствий своих действий или бездействий.

Так что объяснения просты, как и призывал Владимир Владимирович [Бортко], и при этом агрегатным состояниям нет места. Ведь за каждым человеческим действием стоят большие или меньшие внешние эффекты. Если человек не учитывает внешних эффектов, то у нас и получаются пресловутые революции,— но это только с одной стороны. А есть и другая сторона: да, организация не меняется, но от этого никому ни плохо, ни хорошо.

Отчего же всё-таки происходят радикальные сломы и изменения? Вот мы слышали очень интересный анализ, связанный с архаикой и модернизацией: общество обогнало государство, государство обогнало общество...

Тамбовцев В. Л.

У экономистов есть рабочее определение понятия «доверие», социологи пользуются термином «легитимность», что, в общем-то, одно и то же. Так вот, утрата легитимности или утрата доверия — это достаточное основание для смены, вернее, слома организации, которая называется государством? Достаточное. Не необходимое, но достаточное. А были ли исследования по поводу генезиса легитимности? Мне неизвестно. Есть классическая работа Вебера относительно типологии легитимности, но вопрос в том, откуда берётся легитимность, откуда она возникает?

В. В. Бортко

От экономики.

В.Л. Тамбовцев

Она возникает не от экономики. Поскольку люди живут в мире сложных правил, и эти правила касаются не только экономики. Кроме формальных институтов существуют неформальные институты. Они прямо не связаны

с экономикой. Поэтому экономический детерминизм, хотя я и экономист, мне, в общем, кажется слишком упрощённым видением ситуации.

Так вот, эти вещи, связанные с не изученностью генезиса доверия, генезиса верований, убеждённостей и генезиса легитимности, на самом деле сильно ограничивают возможности исторического анализа, хотя сами по себе эти тематики не исторические. Они социологические. Но социологи во всём мире, не только в родной стране, устроены так, что они хорошо ставят вопросы, но не очень хорошо на них отвечают. Получается, что ответы должны искать люди, которые в чём-то более механистичны, чем социологи. Это хорошо видно на примере понятия «институт». И социологи пользуются понятием «институт», и историки, и политологи, и экономисты. У Дугласа Норта[16] есть известная, вероятно всем, метафора, что институт — это правила игры. И экономисты, в общем, принимают это определение.

Расширяя эту метафору, можно сказать, что для социологов «институты» — это не правила игры, это сама игра. А разница между правилами игры в футбол и конкретным матчем конкретных команд вполне очевидна. Для социологов разные игры — это разные институты, а для экономистов это один институт, но реализуемый разными игроками. Поэтому социологи, первично поставив вопрос об институтах, потом оказались в ловушке собственного многообразия сложностей бытия. А экономический подход более простой: правило — это правило, а игра — это игра.

Отсюда, мне кажется, что когда мы говорим о революции и государстве, если мы принимаем, что революции ломают государство по причине ограниченной рациональности государства, которое не желало изменяться, менять правила игры, то, чтобы вникнуть в разного рода детали, нам нужна некая операционализация понятия «легитимность» или «доверие». Нужен ответ на вопрос, откуда она берётся. А уж как она теряется, это мы прекрасно знаем. Известная вещь, особенно среди маркетологов: доверие (лояльность бренду) зарабатывается годами, но теряется в одно мгновение. И вот когда государство теряет свою легитимность,— тут для него начинаются неприятности.

А. Н. Привалов

Ну что тут сказать Виталию Леонидовичу? С одной стороны, он конечно, прав. Проблема возникновения легитимности, с тех пор как большинство

---

[16] Дуглас Сесил Норт (род. 1920) — американский экономист, лауреат Нобелевской премии по экономике 1993 г. «за возрождение исследований в области экономической истории, благодаря приложению к ним экономической теории и количественных методов, позволяющих объяснять экономические и институциональные изменения».

населения сознательно отказалось от сказок о боженьке, стала неразрешимой: либо нет власти, аще не от Бога, либо никто не знает, откуда она взялась. Это правда. А с другой стороны, совсем не так всё просто с потерей легитимности. Вот нас здесь, грубо говоря, человек тридцать. Из нас десять думают, что потеряло, десять думают, что не потеряло, а десяти — наплевать. Оно [государство] потеряло? Не знаю. Вопрос заключается в том, кто должен решить, потеряло или не потеряло. Тоже проблема.

В.Л. Тамбовцев

Можно я скажу? Дело в том, что государство само по себе не ломается, не исчезает и не меняется. Если нет интереса к изменениям у тех, кто занимает рабочие места в этой организации, то изменения в государстве происходят потому, что внутри него находятся люди, способные и готовые изменять регламенты, по которым действуют работники, не желающие изменений. Это называется «реформы». А если таких людей в руководстве организации не находится, то возникает ситуация «достали!». И тут уж кто как может: кто батогом, кто атомной бомбой, кто ракетой. А вот хватит — не хватит, потеряно — не потеряно, что значит много или мало,— ответит только практика.

А.Н. Привалов

Я Вас понял. Это совершенно правильный подход к делу. Был у нас такой реформатор не так давно (он теперь покойный, поэтому не будем склонять его имя), который никогда в жизни не публиковал программ своих действий. Ровно для того, чтобы, что бы ни случилось, он мог сказать: ну, да, так, собственно, и было задумано.

Если позволите, я предоставлю слово начальнику обоих сегодняшних докладчиков, директору Института российской истории РАН Юрию Александровичу Петрову. Прошу Вас.

Ю.А. Петров

Спасибо, хотя в этом клубе, по-моему, как в бане, нет начальников.

А.Н. Привалов

«Начальник» — это типа шутки.

Ю.А. Петров

Мы с вами сегодня обратились к теме, которая неисчерпаема. Когда мы несколько недель назад думали, какую же тему выбрать для обсуждения, то возникла аллюзия с известным трудом Ленина «Государство и революция». Надеюсь, вы её заметили, эту аллюзию.

Петров Ю. А.

Честно говоря, я предполагал, что мы вспомним по-академически о Февральской революции, 95-летие которой сейчас исполняется. Но за эти несколько недель ситуация так изменилась, что мы уже говорим о вполне возможном повторении революционных эксцессов и т.д. Что это означает? Действительно ли революция — то проклятие, которое висит над Россией и от которого она никак не может избавиться?

Хочу напомнить известное изречение Наполеона, что такое революция. Как говорил император, взошедший на престол благодаря Французской революции: «Революция — это десять тысяч вакансий». И можно согласиться с этим утверждением, поскольку каждое изменение, съём одной элиты, замена на другую, — это и есть, по существу, революция.

Какую роль революции играли в России и вообще в мире? Вроде бы вопрос очевидный, но и здесь присутствует полная разноголосица мнений. Мы знаем, что в марксистской идеологии революция — это локомотив истории, расчищающий путь к светлому будущему. Есть и совершенно иная интерпретация. В современном российском обществе активно

продвигается идея, что революция — это абсолютное зло. И эта формула уже прозвучала на высоких государственных собраниях, прозвучала даже в предвыборном обращении к будущему Президенту России,— чтобы избежать этого абсолютного зла. В чём причина столь разительно несхожих оценок? А дело, представляется, в том, что любая революция даёт материал для тех или иных суждений.

Мы изучаем, и много поколений историков до нас изучало, что такое русская революция. Но некая тайна всё равно остаётся. Дело не только в том, что советские историки постоянно идеологически подстраивались. Существует огромный пласт и западной, независимой от марксистского прессинга, историографии. Тем не менее для западного мира русская революция тоже своего рода загадочный сфинкс. Собственно, среди западных исследователей существуют два определённых, совершенно выраженных крыла — так называемые пессимисты и оптимисты. Пессимисты считали: что бы ни происходило в России, революция была неизбежна. А оптимисты говорили: да, кризис был, но революции можно было избежать, если бы государство принимало более решительные и своевременные меры.

Вопрос в том (для России, во всяком случае), что в революции всегда виновато государство, которое не смогло предотвратить социальный взрыв. Для меня это совершенно очевидно. И если государство не может снять социальное напряжение, не может найти соответствующих мер, оно становится даже инициатором революции.

Коллега говорил об ошибках Николая II. Я вспомнил старый советский анекдот: при Леониде Ильиче Брежневе было принято решение посмертно наградить Николая Александровича Романова Орденом Октябрьской революции за создание революционной ситуации в стране. И он действительно во многом этому способствовал, будучи политиком слабым и непоследовательным. Фактор масштаба личности на троне, безусловно, важен. Ещё Ключевский в своё время говорил, что абсолютная монархия была бы идеальной формой правления, если бы не случайности рождения. Да, такие случайности происходят, и страна рушится из-за недальновидных правителей.

Однако, мне кажется, это всё-таки верхняя оболочка, иллюзия. В основе исторических процессов лежат некие закономерности. И историки — не просто хронографы, фиксирующие события. Это люди, которые пытаются понять причины происшедших событий со времён первого историка — Нестора, который задался вопросом, «откуда есть пошла Русская Земля» [«Повесть временных лет»]. Собственно, мы и продолжаем эту традицию.

В чём же причины, в чём корень зла? Александр Владимирович Голубев говорил о кризисе общемодернизационной линии, столкнувшейся

с традиционным аграрно-крестьянским обществом. В самом общем, глобальном плане я, может быть, и согласился бы с этим, но уточнил бы, что здесь присутствует несколько внутренних субмодернизаций. Первой назвал бы петровскую. Модель модернизации Петра I была основана на двух вещах: западные технологии плюс крепостнический, рабский, по существу, труд. Эта модель просуществовала до середины XIX века, когда оказалось, что она исторически исчерпана. Россия, при всём своём внешнем величии, потерпела унизительное поражение в Крымской войне. И это был сигнал: всё, система больше не действует! Тогда в правящих кругах достало мудрости и решимости, чтобы провести так называемые великие реформы. Собственно, они, эти реформы Александра II, сняли проблему революции, которая уже тогда могла возникнуть.

Модернизация, которая началась со времён Александра II,— это модернизация, основанная на рыночных началах и личной свободе. Это была, в общем-то, западная модернизация, которая имела все основания быть успешной. И действительно привела к серьёзным достижениям в начале XX века. Она сломалась, соглашусь, в определённой степени из-за слабости Николая II и его ближайшего окружения, но прежде всего в результате Первой мировой войны — непредвиденного фактора громадной разрушительной силы, с которым царская Россия не смогла справиться, и который, по существу, спровоцировал революционный взрыв в стране.

Можно говорить ещё и о сталинской модернизации, которая была основана на тех же началах, что и петровская. После революции должен был вроде бы произойти новый прорыв к свободе, но система оказалась построена на прежних, можно сказать, дорыночных основаниях.

Должен сказать и о другой важной тенденции. В современном российском обществе, в том числе и среди своих собратьев-историков, я чувствую некоторые, я бы сказал, странные веяния. Сложилось и активно проповедуется мнение, что царская Россия была бесконфликтной страной, что не было внутренней почвы для возникновения революции. И революция у нас предстаёт явлением внешним, наносным. То ли она на западные деньги проводилась, то ли некая пятая колонна завелась и на зарубежные деньги изнутри разлагала страну. И вот эта, я бы назвал, конспирологическая линия в исследовании революции сейчас очень сильна и ярко выражена. В революции виноват кайзер, большевики, которые совершили её на деньги кайзера, в революции виноваты масоны,— на передний план выводят некие группы-аутсайдеры, которые вели вредительскую деятельность. А почвы для внутреннего конфликта в империи якобы не существовало.

Мне кажется, это довольно опасная тенденция. Она приводит нас к мысли, что «Россия, которую мы потеряли», говоря словами фильма

Говорухина, была таким государством всеобщего благоденствия, где не было причин для революционных выступлений. Конечно же, это не так. Реально основания такие были, и основания серьёзные, прежде всего, в области отношений крестьян и поместных землевладельцев, а также рабочих и заводчиков.

А. Н. Привалов

Юрий Александрович, я должен поддержать лозунг, который Вы побранили в начале своего выступления. Революция не является абсолютным злом только потому, что на земле нет ничего абсолютного.

Я бы сказал, что никогда не вредно в сотый, в двухсотый, в семисотый раз повторить знаменитый двойной урок Жозефа де Местра[17]: злоупотребления рождают революцию, революция хуже любых злоупотреблений. Эту настолько очевидную истину надо повторять всё чаще и чаще, а то забывают.

Вы сказали в последней части своего выступления, что есть добрые люди, которые говорят о том, что Россия по сути своей бесконфликтная страна. Эти добрые люди, видимо, плохо учились в школе, они два на два с трудом умножают. Россия действительно до сих пор,— я говорю не о длинной России, а о короткой, о новейшей России,— Россия до сих пор преимущественно бесконфликтная страна, потому что ещё не перемёрли люди, у которых в крови инъекция против всяческого бунтарства. Вот когда эти люди перемрут, или, по крайней мере, перестанут составлять большинство деятельного населения,— ох, тогда может всё статься, сохрани Господь.

Сейчас я хотел бы предоставить слово маэстро Александру Зиновьевичу Бондурянскому. Прошу Вас.

А. З. Бондурянский

Мне очень понравилось, когда Вы спрашивали, какая десятка будет решать, что правильнее, если десять «за», десять «против», десятерым — наплевать. Всё равно будет решать та десятка, которая сегодня у власти. Вот она и решит, что правильнее.

А. Н. Привалов

Дай Бог, но это не очевидно.

---

[17] Жозеф-Мари, граф де Местр (1753–1821) — французский католический философ, литератор, политик и дипломат, основоположник политического консерватизма.

Бондурянский А. З.

А.З. Бондурянский

А остальные будут ждать пока придёт их времечко. Мне кажется, вот так будет развиваться всё. Ну, это тоже цикличность, которая всегда с нами.

Кирилл Эмильевич [Разлогов] говорил о консервативности культуры. У нас термину «консервативность», несмотря на то что мы из консерватории, придаётся иногда негативный оттенок. На самом деле культура по-хорошему консервативна. Дело в том, что культура тем традиционнее, чем традиционнее власть предержащие. И при смене властей элита, которая приходит к власти и опирается на традиции культуры и понимает величие этих традиций, как бы обеспечивает себе устойчивость, или видимую устойчивость. До тех пор пока она не начинает бороться с отдельными явлениями культуры, которые ей не понятны.

А на самом деле, на мой взгляд, власть принимает сторону одной из культурных элит и начинает бороться с другой элитой. Иначе нельзя объяснить того, что происходило в 1948 году, когда вся мощь государства обрушилась

на Прокофьева, Мясковского, Шостаковича, и сегодняшнее поколение музыкантов не может понять, что в этой музыке было формалистического, что в ней было антисоветского, и почему надо было так зверски обрушиваться на этих композиторов. И когда власть вот так использует своё влияние, силу и мощь в борьбе с культурой или с явлениями культуры, которые она не понимает, она, в общем, готовит себе в истории такую славу Герострата, уничтожающего живую культуру.

Но это, на мой взгляд, отнюдь не должно приводить к тому, когда от непонимания власть провозглашает культурой вообще всё. Потому что когда власть, неважно где, не делает различия между подлинными явлениями искусства и, скажем, низкопробными проявлениями шоу-бизнеса, провозглашая то и другое явлениями культуры,— такая власть теряет почву под ногами, и в общем, она недолговечна, на мой взгляд. Поэтому, я считаю, если можно не показывать в Париже на выставке картину «Целующиеся милиционеры», если есть возможность не пускать в Большой зал консерватории группу «Война», то такие возможности надо использовать, чтобы сохранить культуру страны, независимо от того, какая из элит в ней властвует.

А. Н. Привалов

Александр Зиновьевич, у меня язык чесался с Вами поспорить, но из-за последней фразы... Всё, всё, всё! На самом деле взаимоотношение власти с культурой — это отдельная тема, не менее неисчерпаемая, чем та, которую мы обсуждаем. Я просто приведу один пример, который потряс меня в юности.

Есть такой довольно сильный немецкий поэт Ганс Магнус Энценсбергер[18] (он из той же «Группы 47»[19], что Генрих Бёлль[20]), и он где-то написал такую фразу, что вся наша беда в том, что нами руководят люди, которые при чтении шевелят губами. Фраза феноменальная, зверски остроумная, как вы все заметили. Беда в том, что эта фраза была написана и опубликована, когда в Германии правил величайший канцлер со времён

---

[18] Ганс-Магнус Энценсбергер (нем. Hans Magnus Enzensberger, 1929) — немецкий левый поэт, писатель, переводчик, издатель и общественный деятель.

[19] «Группа 47» (по году основания –1947) — объединение немецкоязычных авторов, действовавшее на протяжении двадцати лет (1947–1967).

[20] Генрих Теодор Бёлль (нем. Heinrich Theodor Böll; 1917–1985) — немецкий писатель, переводчик, лауреат Нобелевской премии по литературе (1972).

Бисмарка,— господин Людвиг Эрхард[21], который, собственно, Германию сделал из ничего. Я не знаю, шевелил ли он губами, но я знаю, что если спросить нормального немца,— он не выберет в канцлеры Энценсбергера, хотя тот хороший поэт. Так что всё очень-очень сложно.

А. З. Бондурянский

Вы знаете, я сегодня услышал тоже хорошую фразу о том, что если вы говорите с кем-то на одном языке, и он употребляет бесконечное количество слов, которые вы не понимаете, он это делает не случайно.

А вообще, я приехал сюда с общественного слушания по Закону об образовании. Там почтенное сообщество сделало очень интересный анализ. К этому почти готовому законопроекту, который должны вот-вот утвердить, существует 11 тысяч поправок. На каждое слово (там кто-то сделал анализ) есть, как минимум, три поправки. И вы знаете, что рассматривается в качестве самого большого достоинства этого законопроекта? Что благодаря нескольким слушаниям и вариантам этого закона удалось отказаться от определения образования как услуги.

А. Н. Привалов (обращаясь к аудитории)

Вы напрасно смеётесь, это более чем важно.

А. З. Бондурянский

Да, теперь будет обозначаться, что это «благо».

А. Н. Привалов

Вы принесли хорошую весть, спасибо.

Дмитрий Борисович Зимин — прошу Вас!

Д. Б. Зимин

Я хотел бы отметить следующее обстоятельство к вопросу о влиянии истории на наш, сегодняшний день. Это же тоже относится к повестке дня заседания? Я хотел бы сказать, что на наше сегодняшнее поведение, возможно, большее влияние, чем что-либо другое, оказывает первобытная история, история генетических привычек человека. Я впечатлён массой литературы, вышедшей в последнее время по поводу эволюции человека, из которой я узнал несколько фактов, которые меня в известной мере удивили.

---

[21] Эрхард (Erhard) Людвиг (1897–1977) — государственный и политический деятель ФРГ; федеральный канцлер в 1963–1966 гг. Об Эрхарде как создателе социальной рыночной экономики см.: «„Повестка дня–2010“: демонтаж или модернизация социального государства?». Выпуск № 19. Никитский клуб, 2004.

Например, человек, человеческое общество имеет очень много общего с привычками стадных животных, которыми управляет вождь. Демократия природе не известна, и человечество должно было пройти колоссальный этап, чтобы несколько избавиться от скотского состояния, придумать разные республики и т.д. Так вот в этих самых разнообразных стадах есть такое общее явление, как образование слоя подонков. В книге Дольника это слово написано даже без кавычек.

Речь идёт о том, что биологическая агрессивность, свойственная мужским особям, в некоторых, особенно в очень слабых представителях стада, никак не может проявляться кроме как единственным способом — приблизиться к вождю, и тогда это даёт им право, как например в стадах обезьян, кидаться калом в других более сильных представителей. Образование слоя подонков наблюдается также среди собак в уличных стаях.

Может быть, кто-нибудь обращал внимание, что это наблюдается и в человеческих обществах. И это рано или поздно приводит к тому, что при длительном пребывании вождя у власти страна постепенно теряет свою конкурентоспособность.

Я хотел ещё что-то сказать...

А. Н. Привалов

То, что Вы сказали, Дмитрий Борисович, уже достаточно государственно и революционно.

Д. Б. Зимин

Я только лишь говорил о том, что в последнее время вышли очень интересные книги,— мы к этому имеем отношение (Фонд некоммерческих программ «Династия», основанный Д. Б. Зиминым, поддерживает издание книг в области естественных и гуманитарных наук.— *Ред.*). Читая их, узнаёшь много интересного. Вот не знаю, это было только для меня интересно или представляет интерес для всех?

А. Н. Привалов

Никто спорить не станет: читать правду полезно.

Д. Б. Зимин

И наконец, одно замечание, переходя к современности. Я услышал в докладе одного из наших многоуважаемых историков фразу о том, что Советский Союз достиг вершины своего могущества где-то в 1970-е годы. Я не ошибаюсь? Я в это время как раз работал в военно-промышленном

Зимин Д. Б.

комплексе, и могу сказать, что начало конца Советского Союза как раз приходилось на эти годы. Именно тогда началось стремительное отставание Советского Союза, в первую очередь в области радиоэлектроники, вычислительной техники. Япония, по-моему, показала пример: когда у нас появились камкордеры, видеомагнитофоны и т.д.,— это было что-то неслыханное, в кругах советской технической интеллигенции пошли разговоры, насколько лет мы отстали, скорее всего, мы отстали навсегда. Более того, тогда было принято решение ЦК и Совмина попытаться догнать Японию в области бытовой электроники хотя бы в одной части — сделать видеомагнитофон. Это был, возможно кто-нибудь помнит, такой магнитофон ВМ-12. Вся страна на него работала. Он был очень похож на Panasonic, очень похож, только фактически не работал.

В общем, это соревнование наше государство проиграло полностью. И стало более или менее ясно, что проигрыш в области радиоэлектроники, вычислительной техники — это стратегический проигрыш, который ставит под вопрос существование военно-промышленного комплекса и вообще существование самого государства.

А вот тоталитарный режим, по сути дела, проиграл рыночной экономике, поскольку тогда уже было понятно, что востребованность и реализация хай-тека в значительной мере связана с особенностями рынка. Эти потребности не могли быть осуществлены через заказ по инициативе того или иного чиновника, военного или гражданского, который даже предположить не мог, что такое персональный компьютер. С появлением всей этой техники произошла, вообще говоря, революция, которая тогда была не очень замечена. Но это было началом конца.

А. Н. Привалов

Спасибо, Дмитрий Борисович. Но только гаджеты — вещь, конечно, вредная, но не кровавая. Какая же это революция! А насчёт того что всё началось именно тогда,— тут есть некоторое расхождение во времени. Насколько я понял, господа докладчики имели в виду пик могущества и расцвета Советского Союза где-то при раннем Брежневе, а Вы говорите уже о постбрежневских временах. Всё-таки лет 10–15 загнивания разделяют. Кроме того, почему именно тогда произошло отставание, хотя послевоенная динамика у нас была на протяжении 20 лет резко лучше, чем в Штатах? Почему началось отставание,— у меня была гипотеза, я её даже опубликовал, никто не возразил: потому что тогда перестали быть ведущими действующими лицами люди, обученные ещё при царе, в той системе образования, и их первоначальные личные ученики. Закончились люди, которых правильно учили, и закончились люди, которых учили те, кого правильно учили. И на этом всё кончилось. И было бы там восемнадцать рынков или девяносто два — произошло бы ровно то же самое. Образование, не «образовательные услуги», а образование,— вот, что важнее всего.

Есть ли кто-нибудь, кто хотел бы высказаться?

Ю. А. Петров

Краткую ремарку можно? Россия, вообще говоря, всегда отставала. Но здесь важен такой исторический подход. Краткий пример: паровозы в России, важнейшая вещь для соединения страны в единую экономическую и административную систему. Первые десять лет после реформ Александра II все паровозы ввозились из-за границы. Потом научились делать сами. К 1900 году мы уже не покупали паровозы, производили сами. Но на Западе придумали автомобиль, и мы снова оказались импортозависимы, пока не начали налаживать собственное производство, прежде всего в годы Первой мировой войны. Я думаю, что отставание, в те времена во всяком случае, не было катастрофическим. Дореволюционная Россия была

восприимчива и могла воспроизвести западные технические достижения. В советский же период нашей истории не хватало того, что называется инновацией: когда американцы придумали персональный компьютер, это оказалось той самой планкой, которую советская централизованная экономика уже не смогла взять.

Я с Вами в этом абсолютно согласен [Д. Б. Зимину], это было действительно начало конца, но связано только с формой организации экономики. При других, то есть рыночных экономических условиях, я думаю, мы могли бы американцев догнать.

А. Н. Привалов

А если бы мы были такие же умные, как американцы, вернее, если бы они были такие умные, как мы, и тоже бы не додумались до персонального компьютера, то может быть, культура бы не погибла, может быть, человечество прожило лишние два-три века. А так очень похоже, что конец.

Если нет больше желающих выступить, я предлагаю ответное слово нашим уважаемым докладчикам. Вы хотели бы что-нибудь сказать по итогам обсуждения?

А. В. Голубев

Прежде всего, спасибо всем выступившим. Я не могу сказать, что здесь есть почва для какой-то серьёзной дискуссии, в том смысле что не было принципиальных возражений, которые требуют от меня обязательного ответа. Пожалуй, только одна оговорка.

Конечно, ни мне, ни моему коллеге не приходило в голову проводить прямые аналогии между 1917 годом и XVII веком. Это две российские смуты, но в абсолютно разных конкретно-исторических условиях. Я бы сказал так: российская революция 1917 года — это как бы центр треугольника. И её можно сравнивать с тремя его сторонами, а именно: русская смута XVII века, Французская революция, которую сегодня очень много вспоминали, но это же одновременно и исламская революция в Иране 1979 года. Она не равна ни одной из этих трёх сторон, безусловно. Но она несёт в себе что-то от всех трёх. Скажем, Иран — это крайняя степень реванша традиционного общества против форсированной шахской модернизации. У нас всё-таки средневекового режима аятолл не появилось. (**В ответ на реплику**.) Можно как угодно называть советский период, но я как историк убеждён, что всё-таки в Средневековье мы не свалились.

Спасибо за то, что вы нас выслушали, и было очень интересно послушать всех вас.

В. П. Булдаков

Мне почти нечего возразить по поводу высказанных здесь мыслей. Большое удовлетворение доставляет то, что моё представление о революции в России как синергетическом процессе находит понимание. Это, пожалуй, самое главное. Я считаю, что понимание путей революционного переформатирования устарелой системы может помочь избежать системных кризисов, от которых мы, увы, отнюдь не застрахованы.

Не вполне соглашусь с мыслью Александра Владимировича о том, что после революции 1917 года мы до Средневековья все же не докатились. Я лет тридцать занимаюсь революцией, и только недавно, когда столкнулся с некоторыми документами, которые относятся к 1920-м годам, убедился, что глубина нравственного разложения общества была настолько ужасающей, что впору говорить (что и делалось) о новом Средневековье. Случались дикие, страшные вещи, но рассказывать о них сегодня я не стану. Собственно, я их описал в готовой к печати новой книге.

У нас почему-то не понимают того эмоционального перегрева, который связан с революционной смутой. Откуда он происходит, каковы его конкретные последствия? Всё довольно просто. Так, в деревне крестьянин загнан в общину в условиях растущего малоземелья, ему некуда деться, у него безвыходное положение,— это вызывает колоссальный эмоциональный перегрев. Или другое. Тот же самый крестьянин, который отправляется на заработки и поступает на крупные заводы в Петербурге или в Москве, также испытывает своего рода моральный шок. Отсюда колоссальный рост пьянства. Есть и другая сторона медали: в городе он фактически обзаводится новой семьёй. По сути дела, это узаконенное двоеженство. И когда в 1914 году этих крестьян-рабочих стали забирать в армию, поначалу пособие получали обе семьи. Но вот в 1917 году Временное правительство это пособие у «незаконных» жён, у так называемых «солдаток», отбирает. Что происходит с солдатами и их семьями, если не эмоциональный стресс?

Другой пример. В столице империи женщины работали в основном на текстильных фабриках; их скученность сама по себе порождала эмоциональные срывы. И когда ближе к 1917 году не стало хватать хлеба,— сразу истерики, сразу бунт. При этом женщины легко увлекали за собой мужчин, работавших на соседних металлообрабатывающих предприятиях. Или вспомним «бабьи бунты» 1916-го года из-за растущего дефицита. Всё это «невидимые» слагаемые общего эмоционального перегрева.

И ещё одно общее соображение, касающееся культуры. Консервативна ли культура? Да, поскольку она должна обеспечивать преемственность. Но я всякий раз вспоминаю Лотмана с его «культурой взрыва». Начало XX века

преподнесло миру ярчайшие проявления этого феномена: мы никуда не денемся от Кандинского, от Маяковского, Бурлюка и т.д. и т.п. И таких фигур в русской культуре много, они неслучайно хронологически связаны с революционным периодом нашей истории. В начале XX века власть, по существу, провоцировала «культуру взрыва». И на этом фоне революция, которую мы имели, выглядит совершенно не случайно. Как не случайным было последующее колоссальное «проседание» культурной жизни, за счёт того что высокая культура была захлёстнута и подавлена культурой традиционалистского большинства. Кстати сказать, и всевозможной «попсы» в те времена хватало.

А. Н. Привалов

Перед тем как завершить наше сегодняшнее совещание, я предоставляю слово Сергею Петровичу. Прошу Вас.

С. П. Капица

Я хотел бы просто поделиться возникшими у меня впечатлениями. Они будут не систематизированными, а более или менее случайными.

Во-первых, я не согласен с тем, что нельзя определить поведение термодинамической системы через элементарные явления. Можно, и это делается в статистической физике. То, что экономисты этому не научились,— их проблема, но не проблема физики. Существует громадная литература по этому поводу — как от микроскопической картины перейти корректно к описанию даже не равновесной, а стремящейся к равновесию системы. Статистическая физика даёт в этом смысле всяческие возможности. Задача, конечно, непростая, и потому, наверное, кажется, что с этим трудно справиться.

Приведу простой пример. Всё страховое дело, в основе которого лежат колоссальные капиталы, построено на том, что работают статистические закономерности, ими можно пользоваться. Существуют строгие математическое и физическое обоснования этого дела. И это как раз переход от микроскопического к макроскопическому описанию системы. Это частный вопрос.

Далее. Я хотел бы рассказать об одном впечатлении, которое касается моей семьи. После войны с Наполеоном, когда мы дошли до Парижа и вернулись обратно, возникла проблема, что делать с вернувшимися солдатами и офицерами. Одна часть закончила свой путь на Сенатской площади. Другая часть, гораздо более многочисленная и оставшаяся в русской культуре

и истории, к которой принадлежал мой прапрадед[22], получила колоссальные наделы земли в Приволжских районах России. Их туда не то чтобы сослали, но их направили как бы колонизировать этот район. Как золотая лихорадка в Америке помогла колонизации, положим, Калифорнии, так и эти люди работали в такой пограничной области, где жили языческие племена. И само православие служило некоей идеологической опорой их усилий.

Кстати, Серафим Саровский был изобретением, грубо говоря, соответствующего пропагандистского аппарата царской империи, чтобы наш святой был лучше святых их традиционного верования. Была сделана очень простая вещь: освоение практически пустовавших земель, до появления офицеров, которые прошли, так сказать, европейскую школу. Это такие имена, как Сеченовы, Крыловы (мои предки), Ляпуновы (правда, это боярский род, но они тоже получили там большие земли), это Боткины,— целый ряд известных фамилий. Из этой, кстати, среды вырос и Владимир Ильич Ленин. Так что это была такая связь географии, демографии и, грубо говоря, стратегического мышления людей, которые планировали тогда развитие и думали о России как целом государстве. В конце концов, все мемуары, все документы, связанные с именем Сперанского, имеют те же самые корни. Только Сперанский был там до Французской революции, а это произошло после наших походов в Центральную Европу. Мне кажется, что это полезный урок, который надо помнить.

Следующее, о чём мне хотелось бы сказать. Сегодня уже цитировали Священное Писание: «Несть бо власть, аще не от Бога». Это очень удобная гипотеза, которая служила многим людям, которым не требовалось более серьёзных утверждений сущности власти. До сих пор мы мало ушли от этой позиции, я бы хотел напомнить об этом.

В заключение — я думаю, что на примере Французской революции как раз видны образы точных наук как методы. В этом смысле меня очень вдохновили доклад и статья Владимира Прохоровича [Булдакова], который сделал попытку,— по крайней мере на словах, на понятийном уровне, это очень важный уровень,— найти стыки между мышлением, воспитанным на современных образах хаоса, детерминизма в развитии систем, и теми представлениями, которые работают и хорошо обоснованы современной физикой. Это главное, что я хотел бы отметить.

---

[22] Прапрадед С. П. Капицы по материнской линии, Крылов Александр Алексеевич, был ранен под Бородино и при взятии Парижа; награждён золотым оружием за храбрость и орденами за боевые заслуги. Прадед — Крылов Николай Александрович (1830–1911), артиллерийский офицер, участник боевых действий англо-франко-русской войны 1855–1856 гг. Дед — Крылов Алексей Николаевич (1863–1945), русский и советский кораблестроитель, генерал для особых поручений при морском министре Российской империи (1911), академик Петербургской АН / РАН / АН СССР.

На этом пути, мне кажется, многое можно сделать. И дело не в терминологии, дело не в войне слов, а всё-таки в войне понятий. Вот если мы поймём, что происходило тогда,— я думаю, мы найдём нужные слова. Физики как-то гораздо меньшее значение придают определению понятий, они ими пользуются, но не занимаются их обоснованием. Наоборот, вся современная физика занимается использованием понятий, которые обосновываются тем, что они работают. Может быть, такой рецепт, такая высокая цель больше годится и для исторических исследований, чем спор о словах, рассуждения, что было раньше — курица или яйцо. Раньше, как говорят, было и то и другое.

В связи с этим — старый анекдот о разговоре двух учёных в Средние века: «Ты играешь с Богом в карты: у тебя Король, Дама, Валет. Как будет играть Бог? — Дурак, если ты будешь играть с Богом в карты, таких карт у тебя не будет». Другими словами, надо выйти за пределы обычного круга понятий, тогда мы поймём, что происходит на самом деле. А если мы себя загоняем в искусственные рамки, то очень трудно рассчитывать на прогресс, и дело будет сводиться к чисто схоластическим попыткам. На словах всё будто бы хорошо, но на самом деле понимание таким образом не достигается.

В том, что я сказал,— это та же теорема Гёделя[23], только в других образах, если вы хотите знать, что сейчас действительно мучает людей, думающих о фундаментальных проблемах современного естествознания, и как естествознание может помочь понимать историю, тем более в такие критические моменты, которые мы сейчас проходим. Сейчас у нас видны все признаки кризиса фазового перехода в самом хрестоматийном смысле. Вы кипятите воду, и с ней ничего не происходит, пока она не нагрелась до 100 градусов. А потом внезапно возникает фазовый переход,— вода переходит в новое состояние, и результат известен.

Мы можем использовать это, даже не всегда понимая, почему модель так удачно работает. Мне бы хотелось, чтобы эта модель физики и естественных наук повлияла более конструктивно на наше мышление в исторической области. И вот в этом я вижу смысл сегодняшнего заседания.

---

[23] Курт Гёдель (1906–1978) — австрийский математик. Положения Первой и Второй теоремы о неполноте Гёделя в общих словах состоят в следующем: в любой достаточно сложной непротиворечивой теории существует утверждение, которое средствами самой теории невозможно ни доказать, ни опровергнуть (Первая теорема). Непротиворечивость достаточно богатой теории не может быть доказана средствами этой теории. Однако вполне может оказаться, что непротиворечивость одной конкретной теории может быть установлена средствами другой, более мощной формальной теории (Вторая теорема).— http://www.scorcher.ru/subject_index/subject_show.php?id=4249.

А. Н. Привалов

Спасибо, Сергей Петрович. Если позволите — буквально несколько слов в последние минуты отведённого нам времени. Насчёт того, что Маяковский, Кандинский никуда не денутся,— уже делись. Совсем недавно я в составе некоей весьма начитанной группы делал смешное упражнение. Надо было составить список книг, определяющих способ мышления русского человека. Долго сидели, хороший список сделали. На следующий день кто-то из нас вспомнил: где Маяковский? Да никакого Маяковского нет, давно кончился. Но это пустяки, это вопрос вкусовой. А вот что, по-моему, не пустяки.

Сегодня несколько человек в разных контекстах говорили о том, что ситуация в нашем отечестве в наши дни такова, что сегодняшняя тема [«Государство и революции»] как-то поспецифичнее актуальна, чем просто вечно актуальна. Сейчас всё до такой степени близко к тому, чтобы в очередной раз сыграть в эту игру, что впору на это дело смотреть именно так. Мне представляется (я очень рискую, потому что а вдруг я не прав, это через неделю выяснится), что эта всеобщая истерика всех сторон — истерика Болотной, истерика Поклонной, истерика путинская, истерика антипутинская,— что все эти истерики пробудут ещё неделю-две. Истерика, с одной стороны, тех, кто твёрдо убеждён, что нет никого в России, кроме как них, и что если они чем-то недовольны, то недовольна вся Россия,— эта истерика закончится. И истерика, которая объясняет, что любое недовольство в России проплачено Хиллари Клинтон,— это тоже закончится. Потому что всё это безумие. Это всё ни на чём не основано.

Существует огромное количество реальных проблем, которые никоим образом не решаются воплями, но решать которые всё равно придётся. И сохрани Господь, если их придётся решать опять с чистого листа, чтобы ещё через семьдесят лет на каком-нибудь, уже менее уютном заседании, чем наше, кто-нибудь повторил: вот, опять просели в Средние века, зачем же мы это сделали!

Спасибо всем за участие в обсуждении!

Булдаков В. П.
Институт российской истории РАН,
Центр изучения новейшей истории и российской политологии

Революция как проблема российской истории [24]

Революции раскалывают историческую память, порождая вспышки ожесточённых споров о бесполезном, казалось бы, прошлом. Девяностолетие Октябрьской революции обнаружило аналитическую беспомощность профессиональных обществоведов [25], что в значительной степени объясняется тем, что они придерживались «прогрессистской» (формационно-поступательной) парадигмы. Идея цикличности (движения вокруг *метаисторичного* центра) отвергается.

Между тем, пережив «эпоху реформ», следовало бы попытаться осмыслить не только 1917 год, но и Смуту XVII века с позиций *повторяемости* российских кризисов. Постановка вопроса о том, почему Российская система *периодически разрушается* и *что способствует этому изнутри и извне*, давно назрела.

Большинство авторов не желает задуматься над тем, что в разные исторические эпохи был «закинут» фактически один и тот же (применительно отношению к власти) *homo rossicus*, мыслящий отнюдь не формационными критериями. То же самое можно сказать об устойчивости авторитаристского типа государственности. Несмотря на появление работ, показывающих, что кризисность является «нормой» российской истории [26], обществоведы избегают постановки вопроса о «генах» революции [27]. В значительной степени это связано с давлением политики: «официальная» историческая память в полном смысле слова парализует историческое знание в России.

---

[24] Вопросы философии. 2009. № 1. С. 53–64.

[25] См.: *Никифоров А.А.* Революция как субъект теоретического осмысления: достижения и дилеммы субдисциплины // Полис. 2007. № 5.

[26] *Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И.* История России: конец или новое начало? М., 2005; *Соловей В.Д.* Русская история: новое прочтение. М., 2005; Его же. Смысл, логика и форма русских революций. М., 2007; Его же. Кровь и почва русской истории. М., 2008; *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997; Его же. Quo vadis. Кризисы в России: пути переосмысления. М., 2007.

[27] См.: *Шепелева В.Б.* Революциология. Проблема предпосылок революционного процесса 1917 года в России (По материалам отечественной и зарубежной историографии). Омск, 2005.

Сегодня люди попросту не знают, как им быть с феноменом революции (отсюда избыточная эмоциональность суждений на этот счёт). Поэтому представляется, что в сложившейся ситуации надёжнее всего исходить из того, что проблема революции (системного кризиса, «смуты») — это проблема ***не/стабильности развития России***.

Для её решения уместно сконцентрироваться на поиске социально-генетических причин неустойчивости. Проблема истоков революции в России может быть сведена, с одной стороны, к вопросу о распознании геосоциальных слабостей её государственной конструкции. С другой стороны, это проблема возникновения в социальном пространстве элементов, способных вызвать неконтролируемый рост так называемых малых возмущений.

Россия как пространство хаоса

Сила и устойчивость (соответственно и конфигурация) любой имперской власти связана не с интенсивностью насилия и не с его театральными суррогатами, а со степенью (тотальностью) овладения пространством [28]. Имеется в виду не просто пространство (территория), но также и пространство населения. Только при организации их в *информационно-временную* целостность (иерархию социальных энергий, ценностей и смыслов) возникает надёжно управляемое *пространство власти*. Сбои в её функционировании чреваты разрастанием *пространства хаоса*.

Россия никогда не была устоявшейся данностью — она существовала в режиме (причём аритмичном) пространственной энтропии (В.О. Ключевский). Призвание варягов отражало потребность во ***внешнем*** управлении в связи с недостаточностью автохтонных саморегулятивных механизмов и вынужденной необходимостью силового обуздания хаотичных пространств. Власть в России изначально оказалась ***внешней*** силой, призванной восполнить слабости ***внутренней*** саморегуляции.

В том же управленческом (а не просто завоевательном) контексте следует оценивать пресловутое монгольское «иго». Кочевники укрепили систему ***внешнего*** управления, которое со временем получило новый — имперски–консолидационный — смысл. Реальное собирание «русских» земель началось с утверждения системы наместничества, опирающегося на баскаков. Известны слова Владимира Соловьёва о русском государстве, «зачатом варягами и оплодотворённом татарами» [29]. Без создания «русского улуса» вся восточно-европейская равнина осталась бы балканизированным

---

[28] См.: *Королёв С.А.* Бесконечное пространство. Гео- и социографические образы власти в России. М., 1997.

[29] *Соловьеёв В.С.* Соч. в 2-х тт. Т.1. Философская публицистика. М., 1989. С.298–299.

(а отнюдь не централизованным) квазигосударственным пространством. Для древнерусской государственности сложнейшую проблему составлял сбор дани (полюдье было крайне ненадёжным государственным институтом, хотя динамичность «странствующей» государственной машины способствовала совершенствованию централизованного перераспределения ограниченного по объёму совокупного прибавочного продукта[30]) — решить её смогли, как ни парадоксально, «дикие» завоеватели-кочевники через своих баскаков. Со временем именно на этой основе сформировался институт кормлений — архаичная форма правления, подправить которую, в свою очередь, была призвана имперская бюрократия.

Восточноевропейская равнина представляла собой настолько слабо заселённое пространство, что всякая государственность становилась чисто номинальной без необходимого транспортно-информационного обеспечения. Монголы создали ямскую службу — технологически революционную для своего времени, что упрочило тенденцию *маршрутного* овладения пространством. Можно сказать, что византийско-православная государственность обрела неадекватную ей монгольско-*кочевническую* систему управления, причём со временем место баскака занял другой «чужак» — немец-бюрократ. Такие метаморфозы российского управления сами по себе провоцировали веру в доступность революционных перемен.

На это наложился ещё один фактор. На протяжении многих веков власть контролировала незначительную часть совокупного прибавочного продукта (превратить его в общенародное достояние было невозможно в силу недостаточности коммуникаций). А между тем государственность необъятной державы должна была располагать весьма значительными «свободными» средствами. В поисках выхода из положения власть постаралась совместить пространство территории с пространством населения с помощью крепостничества, которое было лишь частью процесса тотального «огосударствления» социального пространства.

Случилось так, что, принимая идею власти, российское население не успело усвоить принципы *строительства* государственности,— этому мешала изначальная отчуждённость от этого процесса. А противоречие между должным и сущим порождает своеобразные (в том числе и латентные) формы бунтарства, включающие «бегство от государственности».

Отношения власти-подчинения в России строились не столько по принципу верхи-низы, а как своего рода этатизированная сословно-территориальная форма овладения пространством. Присоединение Сибири начали

---

[30] *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 557.

«сухопутные пираты» — казаки, имевшие обыкновение, награбивши, прибегать под царскую длань. Оно началось *вопреки* приказам Ивана IV, понимавшего, что пространство державы следовало *ограничить*, дабы не подвергать державу угрозе нестабильности. Получалось, что именно охлократия, приобретая сословно-служилое качество, становилась фактором дестабилизирующей геополитики.

Обилие неосвоенных пространств при низкой плотности населения породило перманентное ощущение опасности извне. Нервозное отношение в известные времена концентрируется на власти. А любой революции всегда предшествует психопатологическое состояние общества.

В чём твоя вера?

Строго говоря, существуют только два реальных субъекта исторического бытия — информационное пространство, соединяющее людей с Богом, и «избыточная» плотская энергетика, заставляющая людей бесконечно враждовать друг с другом. По большому счёту, примирить эти два начала может только свободное творчество, но обуздать их способна только вера.

В отличие от Запада в России власть вынуждена была иметь дело с «неуловимой» социальной энергетикой, наполняющей «необъятные» и «неопознанные» пространства. Теоретически возможно несколько вариантов их конфессионального насыщения: пантеистский хаос; мозаика изолированных верований; иерархия гетерогенных культов; утверждение единобожия с помощью центральной власти; «пластичная» вера как орудие в руках власти.

С «единой» верой в России дело обстояло вовсе не столь просто, как это привыкли излагать православные иерархи. Во всяком случае, кивать на наследие Византии следует с осторожностью. Не стоит также связывать российскую революционность с христианской эсхатологией и мессианством. Исследователи считают, что в русском крестьянине поселился христианин, но сохранился и язычник[31]. Синкретизм крестьянского мировосприятия вовсе не исключал духовного бунтарства[32] — некоторые авторы (А. С. Ахиезер) видят в этом непреходящую форму раскола[33]. Вера в России

---

[31] *Levin E.* Dvoeverie and Popular Religion // Seeking God: The Recovery of Religious Identity in Orthodox Russia, Ukraine and Georgia. / Ed. by S. K. Batalden. DeKalb, 1993.

[32] См.: *Clay E.* Literary Imiges of the Russian «Flageliants», 1861–1905 // Russian History. 1997. Vol. 24. No. 4; *Engelstein L.* Rebels of the Souls: Peasants Self-Fashioning in a Religious Keys // Russian History. 1996. Vol. 22. Nos. 1–4.

[33] *Ахиезер А.* Октябрьский переворот в свете исторического опыта России // Октябрь 1917 года: взгляд из XXI века. М., 2007.

напоминает бродильное сусло сакральных поверий, вольно или невольно канализируемое в государственное русло. В безграничных пространствах *вера во власть* казалась единственным средством обуздания хаоса.

Закрепощаемому россиянину не нужна была *свобода для*, более того, он в силу особенностей своего хозяйствования вообще не понимал такого содержания свободы. Он мог понять только *свободу от* необходимости навязанного ему общинно-тяглового существования.

Проблема веры особым образом сопряжена с проблемой империи. В принципе, если бесконечность и вечность становятся «координатами» существования державы, последняя сама становится верой[34]. Вера в сверхпатерналистскую *власть* тем более естественна, чем более основательно человек запутался в паутине им же созданных (или заимствованных) символов. Но оборотной стороной такой «нерушимой» веры является сомнение, доходящее до нигилистского глумления и над Богом, и над данной им земной властью. Такая ситуация особенно опасна, если основная масса населения остаётся без достойных официальных идеологов, как это случилось в пореформенное время[35]. Возникло пространство психоментального хаоса, составлявшее суть российских смут. Уязвимость империи растёт по мере её «успехов».

Власть и временщики

Традиционная империя должна не допускать сомнений. Возможно, таково примордиалистское основание любой власти,— по остроумному замечанию С. Московичи, «власть, которую оспаривают и противоречиво интерпретируют, уже не есть власть»[36]. Именно потому Иван Грозный, считая, что русские государи имеют власть от Бога, был уверен, что они «вольны были жаловать и казнить своих подданных»[37].

Несомненно, такое понимание власти связано с представлениями о катастрофичности (точнее эсхатологичности) земного бытия — ощущение его «неустойчивости» порождает требование предельной «устойчивости» власти. Однако в условиях, когда вместо *общества* существуют лишь закрепощаемые сословия, не способные найти общий язык между собой *без* посредничества государства, власть может показаться «ложной». Всякий намёк на её «подмену» провоцирует самозванцев (фигура Гришки Отрепьева

---

[34] *Исаев И.А.* Топос и номос: пространства правопорядков. М., 2007. С. 19–20.

[35] См.: *Леонтьева Т.Г.* Вера и прогресс: Православное сельское духовенство России во второй половине XIX — начале XX вв. М., 2002.

[36] *Московичи С.* Машина, рождающая богов. М., 1998. С. 287.

[37] Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1981. С. 128, 129, 144.

символична). В результате естественных просчётов власти вместо ореола сакральности у неё тут же отыскивается дьявольский хвост (история другого Гришки — Распутина — не менее многозначительна).

Российским правителям под влиянием обстоятельств приходилось использовать непривычную «мимику власти» и совершать столь же непонятные для низов «догоняющие» рывки. Правитель в России — заложник не только большого пространства, но и большого исторического времени. С основной массой подданных он находится не только в разных культурных, но и временных измерениях. Целей друг друга они не принимают изначально.

Российский властитель — это временщик *sui generis* (отсюда сложность престолонаследия) и одновременно несменяемый «помазанник Божий». Такое противоречивое состояние также осложняет положение власти — особенно в связи с тем, что по мере своего бюрократического усложнения она меняет «доверительный» характер взаимоотношений с подданными на безличностный. Оно становилось тем более опасным, что коррумпированное и продажное чиновничество в соответствии с архаичным стереотипом продолжает разыгрывать роль благодетеля-кормильца[38]. Затянувшееся крепостничество, необходимость существования «бездушного» чиновничества, парализующего инициативу низов, создавали замкнутый круг «самодурства власти и бунтарства низов».

Возможности власти, привыкшей прикрывать свои оперативно-управленческие слабости щитом сакральности, весьма ограничены. В этом смысле судьба последнего российского императора — словно наследовавшего дух покорности судьбе от басилевсов — весьма показательна. Трудно победить в великой войне, не объяснив народу её цели, однако в годы Первой мировой войны самодержавие попыталось действовать именно так. Результат закономерен: так называемые общественные организации взломали государственность, причём сделали это преимущественно на казённые деньги[39].

Любая власть вовсе не безгранична и отнюдь не абсолютна. Всякий диктатор понимает, насколько опасно он зависим от своего окружения,— даже над крайним деспотом висит дамоклов меч тираномахии, всякого Цезаря поджидает свой Брут. Наиболее характерный пример — Хрущёв. Этот правитель-самодур, раздаривавший территории и задним числом менявший законы, был устранён вполне нелегитимно, но зато при *всеобщем* одобрении. Одна из причин случившегося в том, что вместо *зрелища власти*, народ стал очевидцем персональной клоунады, что оказалось для него

---

[38] *Кондратьева Т.* Кормить и править: О власти в России XVI–XX в. М., 2006. С. 68–69.

[39] *Шевырин В.М.* Власть и общественные организации России (1914–1917). М., 2007.

совершенно неприемлемо. Хрущев пытался воссоздать «безоговорочную» власть, которая могла «развиваться» лишь до достижения точки абсурда.

В России как действие по букве закона, так и игнорирование последнего для массы подданных не имеет властеутверждающего значения — важно *правое* (справедливое) или *неправое* наполнение деяния. При этом в своих «суверенных» действиях российский правитель оказывается заложником управленцев. В известном смысле власть лишь *владела* Россией, *правили* же варяги, баскаки, опричники, думные дьяки, бюрократы-масоны, номенклатурщики... (теперь — *гос*олигархи и *бюро*коррупционеры). Характерно, что со времён «призвания варягов» управленцы представлялись этнически чуждым элементом — бироновщина и последующие волны «немецкого засилья» не были случайностью, как неслучайны были периодические бунты против «чужаков». Кстати сказать, в предреволюционной России взаимоотношения между крупным бизнесом и государством носили знакомый по нашим дням «порученческий» характер. «Единая» государственность распадалась на *власть–театр* и *власть–аппарат*.

Если в пореформенное время стало формироваться некое подобие реального общества, то в советские (и нынешние) времена видимость общества имитировалась «общественниками», назначаемыми из «полезных» государству и «популярных» у населения людей (будь это мать-героиня или эстрадный певец). Не случайно, что последняя по времени попытка настоящей общественной самодеятельности нашла своё логическое завершение на тюремной параше. Характерно, что, не смотря на это, нынешняя власть пытается указывать на некие аксиологические ориентиры. Это не просто мимикрия, это — одно из условий существования российской власти.

По мнению Ю. М. Лотмана, система, подобная российской, провоцировала к воплощению в жизнь заведомо неосуществимого идеала, что привлекало максималистские слои общества поэзией построения «новой земли и нового неба»[40]. На деле всё намного прозаичнее. Политика — это точка жизни, наиболее удалённая от вечности и потому наиболее приближённая к дуракам. Расчёт на дураков порождал «дурацкое» отношение к власти, вызывал к жизни неподвластных демонов истории, способных перевернуть действительность.

Российские подданные и образ «идеальной» власти

Во времена доисторические россияне могли прокормиться без власти, основываясь на принципах производственно-потребительского

---

[40] *Лотман Ю. М.* Культура и взрыв. С. 258.

(природно-экологического) баланса. Тем не менее власть в России упорно произрастала снизу — вероятно, как гарант от превратностей природных и прочих катаклизмов. Сыграла свою роль и патерналистско-пространственная онтология — потребность «царя в голове».

Овладеть пространством людских душ нелегко. Защитные механизмы крестьянской общины были столь сильны, что преодолеть их удалось только с помощью крепостного права. Неизбежность существования общины, обусловленная её производственно-социальными функциями в конечном счёте вызвала к жизни наиболее жестокие и грубые механизмы изъятия прибавочного продукта в максимально возможном объёме, приобщая к этому служилые классы. Так формировалась культура «закрепощения сословий», наложившая печать не только на социокультурный облик населения, но и на систему «особых» российских ценностей.

Говоря об особом отношении российских подданных к власти, хотелось бы обратить внимание на этимологический аспект проблемы. Кажется, только в русском языке возможно словосочетание «жить в государстве» — не в обществе, не в стране, не в империи. Казалось, в государстве, то есть внутри аппарата, механизма, машины, невозможно жить даже чиновнику, однако россияне ухитряются «жить в государстве», поскольку общества, в котором полагается жить, попросту не существовало. Трудно ожидать, чтобы человек согласился вечно терпеть такое состояние. Смирение и бунт — таковы слагаемые российского типа революционаризма.

Своего рода «притирка» власти и народа относится к явлениям *всеобщим*. Но притирка методом этатизации социального пространства конфликтогенна по определению.

Наиболее издевательским в этой связи выглядит миф об особом коллективизме россиянина — «послушного» общинника. На деле предреволюционный общинник превратился в яростного антиколлективиста: общине (в прошлом свободному трудовому сообществу) были навязаны государственно-фискальные функции, с другой стороны, она была перенасыщена «мироедским» насилием. Он — «коллективист» в той мере, в какой готов использовать общину для сопротивления государственности. Нормальный коллективизм возможен лишь в обществе, а не под диктовку государства. Разлагающаяся общинность чревата охлократией. Россиянин склонён бунтовать против всех, даже конкретного государства,— во имя *воображаемой* власти.

Размытость гранений между реальным, воображаемым и символичным, характерную не только для синкретичного сознания народа, но и «книжного» воображения образованных слоёв, следует отнести к одному из важнейших деструктивных факторов всей российской истории. Человек,

привыкший к «виртуальному», как и «домашнему», насилию, легко согласится признать его не просто повивальной бабкой, но и самим двигателем «прогресса». Более того, насилие перемещается в «анастезирующую» карнавальную плоскость, где боль других и даже своя собственная перестаёт ощущаться.

Современная Россия не случайно столь легко расправилась с демократией. Строго говоря, демократия — это лишь форма сопротивления концентрации власти в руках государства. Реальное участие во власти слишком тяжело для народа. Стоит напомнить высказывание М. Волошина, относящееся к 1906 г.: «В демократии народ подчинён своей собственной воле, а это очень тяжёлый вид рабства». Это конкретное рабство очень хочется разменять на некое «идеальное» — практически безответственное — на деле *квази*рабское состояние. Внутри него и произрастает вера в космическую власть (или историю), которая рано или поздно, но непременно обратит свои взоры на «безгрешный» народ, живущий на «святой» Руси. Это и составляет Русскую идею — по сути своей довольно примитивную нравственную метаполитизацию и даже эстетизацию власти.

Интеллектуалы или утописты?

А. Пушкин боготворил *имперскую* власть (в её идеальном исполнении). Он же вылил немало едких чернил на «недостойных» правителей. В память народа он врезался как сочинитель сказок типа «О попе и работнике его Балде», в сознание интеллигенции — как «свободы сеятель пустынный». Народ уважает рассудительное могущество, интеллигенция помимо обожествления рациональной силы (власти) всегда готова боготворить (жалеть) самоё себя — этому и помог Александр Сергеевич. При этом интеллигенции кажется, что она существует *наедине* с властью (в этом был замечен и Пушкин).

«Уникальные» российские интеллигенты — это самые заблудшие (из-за излишней склонности к рефлексии) овцы бесконечного (не только своего, но и мирового) ментального пространства. Российская интеллигенция — «случайный», а потому наиболее отчуждённый элемент российской социальной среды. Отсюда пресловутое «хождение в народ» — истероидная попытка воссоздания общественной ткани *вопреки* власти. То же происхождение имеет либеральная критика «бюрократической» государственности — «общественные деятели» в пореформенное время не случайно настаивали на устранении чиновничьего «средостения» во взаимоотношениях царя и народа (общества).

Интеллигенция в России, если согласиться с Г. Федотовым, всегда объединялась «идейностью своих задач и беспочвенностью своих идей».

Впрочем, подражательность — это естественный двигатель прогресса, навязывающего определённые культурно-политические императивы всему миру.

Появление интеллигенции — это начальный этап становления *личности*, который в империи не может не быть болезненным. Личность не желает быть управляемой ни массой (разумеется, исключая случаи фашистоидных истерик), ни самодержцем. Указ о вольности дворянству породил не только Радищева и декабристов, но и эмигрантов-протестантов вроде Петра Долгорукова, оставившего ядовитейшее описание власти и её холуёв. В адрес последних стоит заметить, что российская властная аура порождает не просто холуев-исполнителей, а холуев-романтиков, не просто идеологических наёмников, а помощников власти «по воле сердца».

Интеллигенция — это в известном смысле «праобщество», которое стремится стать собственно обществом. Но, будучи в действительности маргинальным *со*обществом, она повышенно эмоциональна, «обидчива», а потому крайне болезненно реагирует на все «деперсонализованные», «механические» (не согласованные с ней) решения и действия власти. Отсюда же стремление интеллигенции идентифицировать себя с народом. Ситуация *квази*патернализм — *псевдо*общество сама по себе не только взрывоопасна, но и труднопредсказуема — лавинообразный (революционный) рост «малых возмущений» может начаться в любой момент. При этом она обладает самопожирающим качеством: тот же Пётр Долгоруков не просто обгадил людей своего же круга, но и, скорее всего, явился косвенным виновником гибели Пушкина. Всё это более чем символично.

Интеллигенция, тем не менее «вечна», пока нет общества. Как ни парадоксально, она продлевает своё существование, осуществляя челночные движения в служилое сословие и обратно. До поры до времени (пока сильная власть способна их содержать) штатные идеологи служат ни на страх, а на совесть. Когда же возникает известное состояние, именуемое «рыба гниёт с головы», они на крысиный манер перебегают в лоно интеллигенции (символично, что в советское время власть практически отождествляла «интеллигенцию» и «служащих»). Политика в России — это настоящая «русская рулетка», подсунутая интеллигенции самой историей. Не понимая этого, интеллигенция продолжает игру, ни на секунду не задумываясь над тем, что рано или поздно раздастся самоубийственный выстрел.

Несомненно, кризисы власти в России (в широком смысле кризисы *веры* во власть) имеют общеонтологическую природу: «... Человек... жаждет завершённости и потому отдаётся в объятия тоталитаризмов, которые являются

искажением надежды»[41]. К этому стоит добавить, что человек периодически «убегает» от им же создаваемых тотальностей, причём русский человек делает это не путём сопротивления власти, а заведомо безнадёжного бегства *от неё*. В этом смысле Октябрьская революция больше напоминает Смуту, нежели Великую французскую революцию. Исследователи отмечают, что «пролетарская» революция не случайно реактуализировала лексику (включая церковнославянскую), восходящую к XV–XVII вв.[42]

Когда прогремит гром?

Проблема поиска точки бифуркации, после которой удержание системы в равновесии становится невозможным, кажется наиболее интригующей. Между тем это вполне бесполезное занятие — ситуация зависит от фактора непредсказуемости. Последний связан не просто с крайним обострением неверия во власть или даже неверием власти в самоё себя, парализующим её управленческие возможности, а с утратой образа власти.

Недовольство патерналистско-идеократической системой может стать едва ли не всеобщим. К примеру, в начале XX в. даже чиновники ощущали, что в России творится «что-то неладное». «Прежняя апатия уступила место общему ропоту, вялая покорность судьбе сменилась злоязычным отрицанием существующего порядка...»,— отмечал в 1902 г. В.О. Ключевский[43]. Представители образованного общества, словно сговорившись, писали о том, что «революция висела в воздухе», который, как замечал О. Мандельштам, ещё за год до падения самодержавия был «смутой пьян». Приближался момент, когда смятение интеллигенции заражало массы.

Любую имперски-патерналистскую систему можно представить как информационное пространство, которое «работает» в условиях постоянной сакрализующей подпитки. По мере приближения к роковой черте 1917 г. в России происходило нечто противоположное. В декабре 1916 г. «Тобольские епархиальные ведомости» писали: «Церковь... перешла на положение института, терпимого государством для второстепенных целей: призывать, освящать и благословлять всё, что делало государство»[44]. Появление

---

[41] *Рикёр П.* Виновность, этика и религия // Конфликт интерпретаций. М., 2002. С. 518.

[42] *Успенский Б. А.* Краткий очерк русского литературного языка. XI–XIX вв. М., 1994. С. 187.

[43] *Ключевский В. О.* Соч. в 9-ти томах. М., 1989. Т.7. С. 386.

[44] Цит. по: *Шишкина С.Ф.* Церковь в условиях кризиса: Тобольская епархия накануне падения самодержавия // Государство, общество, церковь в истории России XX века. Иваново, 2007. С. 153.

сакрально-информационных пустот опасно: вакуум заполняется «чернящими» слухами; их интенсивность зависит от ощущения неустойчивости ситуации, уровень вульгаризации — от убеждённости в порочности происходящего наверху. Кажется, что власть «подменили». «Больные» империи можно сравнить с ослабленным организмом, который способен погибнуть от лёгкой простуды. Это и произошло.

Параметры системного кризиса в России

В системном кризисе империи можно условно выделить уровни или стадии его протекания: ***этический, идеологический, политический, организационный, социальный, охлократический, рекреационный***[45]. **Этический компонент кризиса** наиболее трудноуловим социологически. Между тем смута невозможна без своего рода грехопадения «абсолютной» власти в глазах подданных.

Так, предпосылки Смутного времени уместно искать в неистовствах Ивана Грозного. Последовавший за ними династический надлом мог быть воспринят в низах как «воздаяние за грехи». Антиподом власти становились образы «благородного разбойника», социального «отщепенца», «хищника» и «изгоя». Теперь массу притягивали к себе диссипативные элементы.

Нравственные коллизии, предшествовавшие революционным взрывам начала XX в., в значительной степени были производным от столкновения глобальных этико-мыслительных парадигм — традиционно-патерналистских представлений о власти и идеологии Просвещения. Для А. Н. Радищева российская система стала вместилищем греха и воплощением абсолютного зла для народа. Моральную проповедь подхватила русская литература, исподволь готовящая бунтарей, взявшихся освобождать страну от любой скверны. Строго говоря, всё это выглядит не столь оригинально — достаточно вспомнить о богомильских и анабаптистских экспериментах.

В советское время этический компонент кризиса был связан преимущественно с крахом хрущёвской авантюры построения коммунизма. Громадную роль сыграло «разоблачение» так называемого сталинского террора. Не случайно появление квази-Радищева — А. И. Солженицына, человека доктринёрского склада, призвавшего «жить не по лжи». Информационные связи стали работать на разрушение системы: антисоветские анекдоты пересказывали генсекам.

---

[45] Увы, эту высказанную ещё десять лет назад гипотезу (см.: *Булдаков В.П.* Красная смута. С. 343) никто из современных политологов не удосужился испробовать в прогностических целях.

Идеологическая составляющая кризиса связана с представлениями об альтернативе существующей форме правления — умозрительной, а не реальной.

Иногда зарождение «конституционной альтернативы» самодержавию связывают с посланиями А. Курбского Ивану Грозному. На деле Курбский лишь клеймил царя, который, якобы «дьяволом послан на род христианский»[46]. Вполне аналогичная ситуация возникла в СССР в связи с противостоянием Горбачёва и Ельцина. Риторика Курбского, а равно и любого иного обличителя, со временем должна была взять верх — протестанты в эпоху общественных нестроений размножаются в геометрической прогрессии, тогда как деспоты единичны по определению.

В конце XIX и особенно в XX веке идеологическая составляющая в жизни всех народов приобрела качество былых религиозных «эпидемий». Этому не приходится удивляться в связи с резким уплотнением жизненного пространства и информационных связей. Мир действительно «вращается вокруг великих идей» (Ф. Ницше), но это не означает их воплощения в жизнь. Несомненно, марксизм, как идеология, адресованная массам, носил в себе элементы и доисторических поверий, и мессианских надежд, и эсхатологически-хилиастических ожиданий, но важно другое: он соответствовал структуре перевозбуждённого синкретического сознания.

Более примечательно, что «демократические» доктринёры придерживались традиционных российских упований на власть: не случайно их символом стал Пётр I — неуёмный недоросль, поднявший Россию на дыбы отнюдь не ради западнической демократии. В России до сих пор преобладает «революционное» понимание реформ как насильственно проводимых «идеальных» преобразований.

Политическая составляющая кризиса в минимальной степени отвечает классическим понятиям ***политии***. Применительно к Смутному времени её проще назвать боярскими «разборками». Российская политика связана исключительно с сопротивлением *слабеющей* власти, скорее это ритористичная и ригористичная «***прото***политика». Её можно рассматривать как бунт «детей» против «отцов» за свой *образ власти*. Именно такую роль сыграла суррогатная многопартийность конца XX в. На её развитии сказалось то, что в среде «прогрессивной части» номенклатуры было немало скрытых полудиссидентов, легко менявшей ориентиры в соответствии с «велениями времени».

---

[46] Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 119, 121.

Глобальный характер кризиса 1917 года оказался связан с совпадением европейского (мировая война) и российского (падение самодержавия) кризисных ритмов. Как бы то ни было, ситуация становится неуправляемой тогда, когда политические лозунги интеллигенции начинают резонировать с утопиями масс. Это расширило возможности инфицирования российского социального пространства чуждыми ему политическими доктринами. С этого момента был сделан решительный шаг в сторону «государства-спектакля».

Термин «суверенитет» может служить наглядным примером того, какие неожиданные метаморфозы претерпевают иностранные заимствования на русской почве. Суверенитет буквально означает верховную власть, ***независимую*** от кого бы то ни было. В распадающемся СССР этот термин поначалу служил эвфемизмом, призванным декларировать ***независимость от центра***, а со временем стал прикрывать ***стремление центра быть независимым*** в своих действиях от кого бы то ни было. Круг замкнулся — современная российская политика приблизилась к идеалам Ивана Грозного.

Организационный компонент кризиса связан с растущей беспомощностью, а затем и распадом управленческих структур, включая вновь возникающие. Его острота определяется как внешними воздействиями (неумением реагировать на изменившиеся обстоятельства), так и внутренними сбоями. Дело доходит до того, что люди усматривают теперь в законе «не обдуманную необходимость, а не допускающую рассуждений угрозу»[47]. Организационный развал не случайно оборачивается территориальным распадом державы.

Наиболее причудливые параметры организационный кризис приобрёл во времена Смуты. Решающую роль сыграла неспособность власти накормить народ во время голода. Миграционные процессы сделали систему неуправляемой. Поражает обилие всевозможных самозванцев.

Точно так же невозможность осуществить «кормленческие» функции предопределила падение царизма. Оказалось, что власть не способна вовлечь земские и городские учреждения в органическое сотрудничество в условиях тотальной войны[48]. Возникли также нестыковки между гражданским и военным управлением, последовали «губернаторские войны» из-за продовольствия, а в целом финансируемая властью общественная самодеятельность стала разрушать госструктуры. В конечном счёте, революционное развитие ситуации определила угроза голода при вполне достаточных запасах зерна.

---

[47] *Ключевский В.О.* Православие в России. М., 2000. С. 331.

[48] Земский феномен. Политологический подход. Саппоро, 2001. С. 197–198.

Современный организационный коллапс связан с крахом «распределительной экономики», чудовищно деформированной и отягощённой военно-промышленным комплексом. Распад СССР был подготовлен не действиями всевозможных сепаратистов, а неспособностью центра «накормить» регионы — в них стало складываться представление, что если бы он не изымал сельскохозяйственную продукцию, то они «жили бы при коммунизме».

В основе **социальной составляющей кризиса** лежало стремление одних социумов выжить за счёт других. Маргинализация приняла поистине ужасающий характер во времена Смуты — тяглые люди «перебегали» в другие сословия, служилые убегали со службы. Шло тотальное разложение социальной ткани.

Социальный кризис начала XX в. предполагал по преимуществу решительную перетряску верхов и низов. В конечном счёте это обернулось растаскиванием общественного богатства под видом экспроприации «чуждых» классов. Социальные страхи перед неведомым вызывали к жизни феномен этноконсолидации и этноизоляции. Это явление, разумеется, получило ложное — сепаратистское — истолкование.

После роспуска Советского Союза получили развитие сходные процессы — попытки селективной приватизации и производственного самоуправления скрывали стихию очередного передела собственности. Фактически общество было деструктурировано ещё ранее в связи с возобладанием пассивно-потребительских интенций над производительными. Между тем социальная справедливость может быть построена на основе ***труда***, а не ***распределения*** его продуктов государством. Возможно, это главный урок российской истории.

Охлократическая составляющая кризиса связана с выдвижением на первый план маргинальных и диссипативных элементов, которые исходят из воинственно-потребительских установок. В этот период правят бал толпы, или соответствующие поведенческие стереотипы.

Во времена Смуты охлократия означала господство вооружённых разбойников, грабящих всех подряд. Порой атаманы претендовали на роль самозванцев; неудачливые претенденты на престол, напротив, опускались до роли предводителей банд.

В 1917 г. охлократия означала господство толпы и самосудных расправ на улице, особенно заметных на фоне слабеющей власти. Начиная с 1918 г. целые регионы оказывались во власти «революционных» банд неопределённой (или перманентно изменчивой) идейно-политической ориентации.

Охлос кардинально меняет систему зависимостей между информационным пространством и социальной энергетикой. При слабости последней

охлократия может приобрести замещённый характер, воздействуя через СМИ. Неслучайно в конце XX в. произошло вторжение «низких» и уличных жанров в mass media. Так фактически легализовалась «культура дна», которая не без успеха принялась навязывать обществу свои «нравственные» нормы и приоритеты.

В условиях охлократии номинальная власть может лишь имитировать своё присутствие — иногда это помогает ей выжить. В любом случае охлократия провоцирует диктатуру, выставляя прежнюю власть в роли надоевшего клоуна.

Рекреационный компонент кризиса трудноуловим: законы «самоорганизующегося хаоса» в социальной среде действуют неявно, ибо опираются на самое зыбкое в этом мире — смесь потаённых страхов, надежд и утопий. Именно их непредсказуемые комбинации способны заставить социальные силы, работавшие на разрушение системы, содействовать её воссозданию. В значительной степени это обеспечивается взаимоуничтожением и/или энергетическим истощением диссипативных и пассионарных элементов. Сказывается и парадокс позиционирования: любой субъект изнутри определённой культуры невольно воспроизводит заложенные в ней стереотипы.

В Смутное время историческая (но не династическая!) власть была спасена низами. Примечательно, что возрождению самодержавия сопутствовали всевозможные соборные представительные органы, которые затем сходили на нет,— привычная система властвования воссоздавалась вкрадчиво.

Революционеры XX в. пребывали в уверенности, что создают не просто справедливое, но и качественно новое общество. Однако привычная государственность вновь возродилась с помощью «перебесившейся» традиции. Рекреационный процесс получает преобладание тогда, когда «человек толпы» вновь соглашается на роль существа, ведомого государством,— неважно каким. Конечно, он корректируется и стимулируется стандартными приёмами самопрезентации власти. Отсюда попытки создания образов «тишайшего» самодержца, «гения всех времён и народов», «непогрешимого» президента и т.д., и т.п. Политики всегда старались использовать в своих целях «энергию воспоминаний» [49]. Государство спектакля иначе существовать не может. Такое лицедейство также провоцирует кризисность.

«Огромная, превратившаяся в самодовлеющую силу, русская государственность боялась самодеятельности и активности русского народа, она

---

[49] *Дебор Г.* Общество спектакля. М., 2000. С. 66–67.

слагала с русского человека бремя ответственности за судьбу России...,— считал Н. Бердяев.— Он должен, наконец, освободиться от власти пространств и сам овладеть пространствами... Государство должно стать внутренней силой русского народа, его собственной положительной мощью, его орудием, а не внешним над ним началом, не господином его»[50]. Увы, подобные пожелания остаются неосуществимыми. Россия по-прежнему чревата революцией (смутой). Власть, двигаясь рывками без поддержки общества, сама сжигала за собой мосты народной поддержки. Российская история «революционна», в смысле циклична и катастрофична.

Итак, что же такое революция *для* России? Это часть системного кризиса крайне архаичной структуры, внутри которого происходят «революции», являющиеся промежуточными этапами синергетического процесса, направленного на самосохранение исторического типа государственности. Власть-хамелеон без общества всегда неустойчива, хотя ей упорно приписывают тоталитарные качества. Но она будет возрождаться в прежнем качестве до тех пор, пока ей нет замены. «Настоящая» революция пока невозможна — нет общества, которое смогло бы переложить на себя бремя управления всё ещё неустойчивым социальным пространством. Российская история по-прежнему катастрофична.

---

[50] *Бердяев Н.* О власти пространств над русской душой // Судьба России. М., 1990. С. 62, 66.

Никитский клуб
клуб ученых и предпринимателей

НИКИТСКИЙ КЛУБ учреждён в июне 2000 года по инициативе учёных и предпринимателей, стремящихся объединить интеллектуальные силы России как активный ресурс развития страны.

ЗАДАЧА НИКИТСКОГО КЛУБА — создать междисциплинарный форум авторитетных представителей профессионального сообщества с широким гражданским взглядом на важнейшие проблемы России, помочь обществу осознать интересы страны и вытекающей из этих интересов политики в различных сферах деятельности.

Никитский клуб проводит цикл публичных дискуссий под общим названием «Россия в глобальном контексте». Стенограммы «круглых столов» цикла размещаются на web-сайте: www.nikitskyclub.ru, а также публикуются в Выпусках Никитского клуба и распространяются по списку рассылки в правительственные, общественно-политические учреждения, предпринимательские организации, СМИ, библиотеки, др.

Название «Никитский» связано, с одной стороны, с местом рождения Клуба, с другой — отражает стремление его основателей к культурно-исторической преемственности. Современное здание Московской межбанковской валютной биржи (в н.в. Объединённая биржа ММВБ–РТС), оказавшей неоценимую поддержку в создании Клуба и предоставляющей возможность для его встреч, находится в непосредственной близости к месту расположения в прошлом Никитского монастыря, основанного в XVI веке боярином Никитой Романовичем Юрьевым — отцом патриарха Филарета. В районе Никитских улиц Москвы, получивших своё название от монастыря, в разное время жили выдающиеся люди: князья Юсуповы, графы Толстые, А. В. Суворов, В. И. Вернадский, П. И. Чайковский, представители крупного московского купечества, промышленники, фабриканты. Здесь сохранились памятники архитектуры, авторами которых были М. Ф. Казаков, К. В. Терский, Д. И. Жилярди. На Никитском бульваре в XIX веке размещался Коммерческий банк, переименованный затем в Государственный банк (в здании Музея Востока). В этом районе находится Московская консерватория, другие культурные учреждения, формируется современный деловой центр.

Президент Никитского клуба **Сергей Капица**
Вице-президент — исполнительный директор **Наталия Румянцева**

Телефон: (495) 705–96–73 e-mail: nikitskyclub@micex.ru
Факс: (495) 234–48–40

Никитский клуб

Н62 Цикл публичных дискуссий
«Россия в глобальном контексте». Выпуск 56
«Государство и революции» — М., 2012. — 78 с.

Тема февральского заседания Никитского клуба, стенограмма которого изложена в данном Выпуске НК, была подсказана моментом встречи: ситуация предвыборной кампании–2012 на пост президента страны давала повод для исторических ассоциаций.
Каковы причины и какова роль революций в России и вообще в мире? По словам историков, присутствующих на заседании, любая революция даёт материал для разных суждений. Такие суждения были предъявлены, как и утверждение, что в свершении революций, по крайней мере в России, всегда виновато государство, не сумевшее предотвратить социальный взрыв. Более того, если государство не может найти соответствующие меры, чтобы снять социальное напряжение, оно становится инициатором революции.

УДК Н63.3.(2)535
ББК 63.3.(2)44

Никитский клуб
Цикл публичных дискуссий
«Россия в глобальном контексте»

Выпуск 56
«Государство и революции»

Редактор выпуска Н. М. Румянцева
Фото ММВБ–РТС
Вёрстка М. Ю. Иванюшин

Подписано в печать 18.06.2012.
Заказ 07306. Тираж 250 экз.

© ММВБ–РТС, 2012
© Никитский клуб, 2012